

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ),
АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ**

15 (28) декабря

Священномученик Иларион родился 13 сентября 1886 года в селе Липицы Каширского уезда Тульской губернии в семье священника Алексея Троицкого и в крещении был наречен Владимиром. Дед будущего святителя, Петр Троицкий, священствовал в этом же селе. Прихожане сохранили память о нем как о человеке необыкновенном. Когда он умирал, все жители села пришли проститься с ним и получить от него последнее благословение.

Жена отца Алексея Троицкого умерла рано, и ему самому пришлось воспитывать детей, которых у него было пятеро: три сына и две дочери. Два сына — Владимир и Дмитрий — стали епископами, третий сын Алексей — священником. После смерти жены отца Алексея большое участие в воспитании сирот приняла ее незамужняя сестра Надежда, учительница церковно-приходской

*Священник Алексей Троицкий с детьми (слева направо):
Владимир, Алексей, (крайний справа) Дмитрий*

школы; когда Владимира не с кем было оставить, она брала его с собой на занятия. Мальчик рано выучился читать, с пяти лет он стоял на клиросе, читал часы и шестопсалмие.

Первоначальное образование будущий святитель получил в Туле — в духовном училище, затем в семинарии, и был послан на казенный счет в Московскую Духовную академию для продолжения образования.

Владимир Алексеевич поступил в академию в 1906 году, «когда чад и угар революционный, проникший и за стены академии, — как писал об этом один из современников, — только что начал рассеиваться, но не исчез еще окончательно». Владимир Алексеевич много переживал, видя, как он говорил, «позор академии, променявшей светлые ризы чистой и трезвой науки на яркие, но грязные разноцветные лохмотья уличной политики», позор той академии, которую он любил, как «свою возлюбленную невесту»... Но гроза не прошла без пользы для Владимира Алексеевича: его всеанализирующий ум не мог успокоиться, пока не отыскал причины, почему пронесшийся шквал захватил столь широкие круги образованного русского общества: одним из главнейших условий, определивших такой масштаб движения, была, по его пониманию, бесцерковность общества, утратившего связь с Церковью, порвавшего с ее истинными традициями... Как только это определилось для него с достаточной ясностью, он стал посвящать почти все свои сочинения разработке вопроса о Церкви и церковности.

Влечение чистого сердца, воспитанного в правилах глубокой церковности, в благодатной атмосфере православного богослужения и целостности истины, которая может быть только в Православии (а все, что отделяется от него, лукаво советует идти своим путем, вне Православия, — все это от пленяющего душу греха, человеческой узости и несвободы, не имущей в себе любви и свободы Христовых), и сделало его пребывание в академии необычайно важным и ценным для него. Здесь он нашел то, что искал, — истину. Но поиски не лишены оказались трудностей и разочарований. В академии ему пришлось столкнуться с плодами учености Запада, излагавшего свои представления о Боге. Ничего более по сути своей безбожного и иссушающего душу он не читал. И насколько это разнилось с трудами святых отцов, писавших о том, что было для них смыслом всей жизни, более того, вопросом вечной жизни или вечной гибели, к чему невозможно было подходить лишь как к системе исключительно умственных построений. То и хорошо в Православии, что оно есть явленная истина и не требует каких-либо логических натяжек или лукавых умозаключений, чтобы согласовать частную жизнь человека с церковной, а Церковь с истиной, как она глаголана Духом Святым через евангелистов и предание Церкви. Та же истина была в святоотеческом богословии, та же в церковном богослужении, та же и в слове Божиим. Иногда от этой освежающей душу истины захватывало дух, и хотелось дерзко высказать лежащему долу теплохладному миру, откуда и куда он ниспал. Студент четвертого курса Московской Духовной академии Владимир Троицкий в день празднования 95-й годовщины со дня ее основания так выразил одну из своих заветных мыслей: «С гордостью часто говорит наш современник: богат есмь и обогатихся и ни в

чем не имею нужды; но не знает он того, что он несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг (Апок. 3, 17). И все это потому, что вера Христова перестала быть жизнью, что не единому Богу поклоняются люди, а натворили себе несчетное множество кумиров, кумиров бездушных, которые не могут одухотворить жизнь и сделать ее содержательной.

Идолы всё больше и больше вытесняют Христа из жизни людской. Всё касающееся веры более и более становится в наши дни “частным делом”, даже таким, которое постоянно нужно прятать в самой сокровенной “клетки”, которому нет и быть не должно никакого места в жизни. В наши дни христианство проявляется только как личное потаенное благочестие, но совсем оскудела христианская жизнь. Христианская жизнь возможна только в Церкви; только Церковь живет Христовой жизнью... Общество предпочитает идти на торжище скучного мира, мечется там в потемках от одного блуждающего огонька к другому, гибнет духовным голодом, питается от рожец, приличных лишь свиньям, и не хочет избыточествовать хлебы в дому небесного Отца, который есть святая Церковь Православная. А если и говорят некоторые об участии в жизни церковной, то под этой жизнью разумеют не созидание тела Христова в общем братолюбии и духовных подвигах, нет, под жизнью Христовой Церкви разумеют ведение хозяйства, заведование столами торжников (Мф. 21, 12) да борьбу за какие-то права. И на месте святе хотят поставить свой бездушный мирской кумир!

В отношениях к Церкви больше всего проявляется современное идолопоклонство. Многие ожесточились, злословя единственный путь Христов (Деян. 19, 9), путь церковный. Создаются “новые пути” с именем Христовым, но без Церкви, “около стен церковных”. Эти “новые пути” оказываются очень удобными именно для того, чтобы сохранить имя Христово, а кланяться своим любезным идолам. Поэтому и привлекательны все эти “новые пути”. Они легки и потворствуют страстям. От действительной Христовой веры, содержащейся в святой Церкви, на этих путях остаются иногда благочестивые, а чаще уродливые мечты, не имеющие никакого отношения к жизни... Многие избегают говорить о Православии и еретических западных исповеданиях — католичестве и лютеранстве, — а говорят только о каком-то общем христианстве. Сочувствовать еретику, стать и стоять на стороне врага Христовой Церкви — разве считается теперь это позорным и пагубным преступлением, раздиранием нешвейного хитона Христова?.. Еретики, пользуясь беспросветным невежеством общества в вопросах веры и благочестия, прикрываясь громкими, но совершенно пустыми словами, проповедают самые невозможные, самые бессмысленные и отвратительные учения, а сыны Церкви, нисколько не задумываясь, еретическую ложь поставляют выше православной истины. Отлученного от Церкви за богохульные ереси открыто именуют великим учителем, устраивают в честь него празднества, ездят к нему на поклон. Мало того, осмеливаются еще поносить стражей Христова стада за то, что они волков отгоняют от вверенных им Богом овец. Враги Церкви осыпают достояние Божие неисчислимыми хулами, от которых в ужас приходит душа, любящая Бога и святую Церковь...

Недостаток преданности единому Богу вместе с желанием соединить поклонение Богу и идолам создали в наше время, преимущественно у западных еретиков, взгляд на богословие как на одно только внешнее знание. Что такое богословие? Оно для многих есть только знание богословских истин, но не знание Бога. Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием, и только тогда принесет оно плод по роду своему».

Еще учась в академии, Владимир Алексеевич стал обнаруживать себя как крупнейший русский богослов, сосредоточив свое внимание на историко-догматической апологии девятого члена Символа веры, то есть на раскрытии православного учения о Церкви. В академии им — студентом, а затем преподавателем — были написаны и опубликованы работы: «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры», «Триединство Божества и единство человечества», «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» и другие.

В 1910 году Владимир Алексеевич Троицкий окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен в академии профессорским стипендиатом, а через год — назначен исправляющим должность доцента по кафедре Священного Писания Нового Завета. С этого времени началась его преподавательская деятельность, которая продолжалась до самого закрытия Духовной академии и принесла много плодов как на поприще непосредственно преподавания, так и в области богословских исследований, ибо в его лице Духовная академия обрела глубоко православного ученого-богослова. Как и во время учения, он тщательно готовился к лекциям, но теперь взял себе за правило: написав текст в тетради, всегда оставлять ее дома и читать лекцию, не пользуясь никакими записями. Сначала было, конечно, боязно, но затем он так освоился, что эта привычка придавала ему даже особенную уверенность, он стал чувствовать себя на кафедре — сначала Духовной академии, а потом и церковной — вполне на своем месте.

В свободные от преподавания часы Владимир Алексеевич писал магистерскую диссертацию на тему «Очерки из истории догмата о Церкви». Этой теме он придавал огромное значение, видя, что девятый член Символа веры стал камнем преткновения и соблазна для современных людей. Для него было существенно важно живое слово истины, душа его искала этого слова и насыщалась им; для него не существовало формального знания, богословие было для него прямо связано с жизнью, было тем, без чего невозможно обходиться ни одного часа. В этом смысле он был православным русским человеком, впоследствии православным русским архиереем, для которого слова Христова Евангелия были прямым, обращенным к душе повелением. В нем совершенно не было лукавства. Для него безусловную значимость имели слова «ищите прежде Царствия Божия...» (Мф. 6, 33) и «какой выкуп человек даст за душу свою» (Мф. 16, 26). Имея живой ум, будучи глубоко образованным человеком, он сразу обратил внимание на то, что центральным по значимости вопросом

для современных людей стал вопрос не о божестве Иисуса Христа, не о крестных страданиях Богочеловека, а о Церкви, без которой нет спасения, без которой и сама вера становится прѣлестной, бесовской. Признать за католичеством или протестантизмом, что и они Церковь, значило встать на путь или самоуничтожения, или недостойного имени христианина лукавства. А кто же тогда в западных исповеданиях спасается? — спрашивают люди малoverующие, а чаще неверующие. Но, увы, часто люди вовсе и не хотят спастись и быть со Христом. Они в своей жизни ставят какие угодно цели, желают чего угодно, но только не жизни во Христе, не жизни с Богом. В таких городах, как Содом и Гоморра, почти не было людей, желавших жить благочестиво, взыскующих святой жизни; и Иерусалим искал власти и богатства и, будучи последовательным в своих исканиях, распял Богочеловека и Творца. С предельной резкостью религиозного исповедания этот выдающийся богослов писал: «Я никак не могу думать, что православие и католичество — почти одно и то же, что это — две поместных церкви. Я исповедую, что Церковь едина, и католики для меня — не Церковь, а следовательно, и не христиане, ибо христианства нет без Церкви».

Может быть, именно потому, что для него был столь важен вопрос о значении Церкви, он впоследствии обратил свое пристальное внимание на сочинения Алексея Степановича Хомякова и впервые среди церковных богословов дал им объективную научно-богословскую характеристику, определив их место среди богословских сочинений и установив их связь с богословием древних учителей Церкви, таких, как святой Игнатий Богоносец, святой Иринеи Лионский, Тертуллиан, святой Киприан Карфагенский, блаженный Августин. «А. С. Хомяков, — писал он, — собрал и усвоил то, что говорили на Востоке и на Западе в течение нескольких веков по разным поводам, применил все это к западным исповеданиям, дополнил различными весьма глубокими философскими и историческими соображениями, изложил, наконец, в совершенно новой форме и тоном вдохновенным. Хомяков сказал “по-новому”, и в этом его громадная заслуга для богословской науки. Сокровищница святоотеческой письменности — богатство неисчерпаемое, и кто выносит оттуда на свет Божий хоть какую-нибудь часть, того можно только благодарить».

В частности, на сочинения А. С. Хомякова должны обратить свое внимание современные полемисты, которым приходится вести борьбу с ересями

*Владимир Алексеевич Троицкий —
преподаватель Московской
Духовной академии*

и заблуждениями. Нося на себе яркий отпечаток святоотеческой полемики, полемика А. С. Хомякова представляет собой светлую и блестящую точку на мрачном фоне полемики с западными исповеданиями.

Древнецерковная полемика и полемика А. С. Хомякова — принципиальна, она рубит дерево заблуждения под корень. Тесно связанная с идеей Церкви, она не останавливается исключительно на отдельных заблуждениях, а указывает их общий корень в противлении догмату о Церкви, а отсюда решительное нравственное осуждение всякого отдаления от Церкви. Полемические сочинения А. С. Хомякова представляют именно опыт применения принципов древнецерковной полемики к западным исповеданиям».

Весной 1912 года Владимир Алексеевич закончил работу над магистерской диссертацией и отдал ее для прочтения рецензентам.

Уже не в первый раз летом во время каникул он отправлялся в путешествия, чаще всего за границу. Имея любознательный характер, он везде хотел все повидать и узнать, чем живут люди в каждой стране, как они ощущают истину Христову и живут ли ею вообще. Летом 1908 года он объехал восточноевропейские страны и Балканы. Теперь, в 1912 году, он посетил Германию, Швейцарию и Францию. Ему было важно увидеть плоды европейской культуры — католичества и протестантства, для него жизнь вполне продолжала его ученые занятия богословием, а благочестие полагало основы для объективного видения окружающей жизни. Все его наблюдения и впечатления очень пригодились и оказались весьма ценны, когда началась война с Германией, война между миром славянским и германским, война между миром христианским и миром, имевшим приблизительное и смутное представление о Христе, а часто и враждебным Ему. Путешествие заняло месяц, но при живости характера путешественника, при том, что ему хотелось все самому посмотреть и затем осознать, само время путешествия явилось как бы уплотненным, для него не осталось теперь ничего загадочного и интересного в Западной Европе. В техническом и культурном своем развитии западноевропейские страны зашли в тупик, а их духовное развитие оказывалось настолько плоско, что не имело даже намека на содержательную глубину.

Посетив после путешествия на Запад родное село, Владимир Алексеевич вернулся в Сергиев Посад, где принялся за печатание магистерской диссертации, которую он писал в течение двух лет. В конце ноября назначенные рецензенты — профессора С. С. Глаголев и М. Д. Муретов — весьма высоко отзывались о труде автора. В отзыве С. С. Глаголева говорилось: «Такие книги, как книга господина Троицкого, не часто являются на Руси. Появление их есть праздник богословской науки». Свой отзыв профессор М. Д. Муретов закончил словами: «Если бы от меня зависело, я без всяких колебаний признал бы диссертацию Троицкого вполне достойной не только магистерской, но и докторской степени». 11 декабря 1912 года Владимир Алексеевич успешно защитил диссертацию. 16 января 1913 года Святейший Синод утвердил его в звании магистра богословия и в должности доцента. За лучшее магистерское сочинение ему была присуждена премия митрополита Московского Макария.

Однако сам автор ни от таких отзывов, ни от присуждения премии ничуть не возгордился. Имея высокие критерии, каким должна соответствовать работа на столь ответственную тему, он понимал, сколько еще нужно бы сделать и изучить, чтобы раскрыть ее насколько возможно полно и достойно такого драгоценного предмета, как Церковь. Как глубокий богослов и смиренный человек, он был достаточно защищен от уязвляющей душу гордости, которая могла бы обнаружиться после высоких похвал уважаемых профессоров.

После защиты диссертации Владимир Алексеевич отправился в путешествие в Киев и в Житомир. Здесь он встретился с епископом Прокопием (Титовым), с которым был весьма дружен. Вместе с ним он в этот приезд много раз бывал у архиепископа Антония (Храповицкого), к которому, как многие студенты Духовной академии, и в особенности желавшие принять монашество, относился с большим уважением.

Подошел Великий пост 1913 года, подошло и время прехождения Владимира Алексеевича к иному пути. В детстве он получил строго православное воспитание; можно сказать, что его главной воспитательницей была Православная Церковь с ее возвышенным, ни с чем не сравнимым богослужением, с воспитующим волю к добру уставом. Лишь став студентом и приступив к писанию работ о Церкви, он смог осознать и понять то, что чувствовал с детства. Теперь он знал, за что и почему любил православное богослужение, и эта любовь, соединенная с желанием уединения, привела его к мысли принять монашество. Останавливало в решении принять иноческий постриг только одно: он знал, что став монахом, не будет свободен в выборе церковного послушания и может быть определен на любую церковно-административную должность, к чему он не чувствовал в себе ни малейшего призвания. Иночества, молитвы, научных занятий — вот чего он жаждал для своей души. Но в выборе любого жизненного пути есть риск — найдя то, что желаешь, найти и то, чему противится душа. Наконец Владимир Алексеевич все же решился и в день празднования Торжества Православия подал прошение о пострижении.

Постриг был назначен на 28 марта в пустыни Святого Параклита, находившейся неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры. Владимир Алексеевич сам выбрал эту уединенную суровую пустынь для своего пострига. Популярность молодого доцента среди профессоров академии и студентов была столь велика, что на постриг приехали многие преподаватели академии и студенты.

После того как постриг был совершен, ректор Духовной академии преосвященный Феодор (Поздеевский), выйдя на амвон, сказал новому иноку напутственное слово: «Истина Христова проста, и лишь сами люди усложнили и усложняют ее различными мирскими и житейскими мудрованиями. Эта истина в том, что самое ценное, самое важное для жизни — это выяснение в своем внутреннем человеке образа Христа. Он, этот образ, бывает темен, как темен лик на древней иконе; но как опытный художник может очистить его от копоти времени и позднейших наслоений, так и живущий в нас нетленный лик Христа можно освободить от посторонних теней. Это можно сделать слезами, терпением, борьбой, причем эта борьба может быть и не без крови, значит, и не без жертвы. Нужно быть готовым жертвовать ради высшей цели всем, как

бы дорого нам что-либо ни было, как бы важно ни казалось. Ради этого следования Христу должно пожертвовать и наукой, и академией, потому что они без Христа — ничто, а во Христе всякий везде может принести пользы больше, чем в свещнице академической науки. Пример тому — великие подвижники и древних и новых времен, которые, сами того не желая, оказывались славными в делах государственных, следуя только Христу и монашеским обетам!..»

Перед принятием монашества Владимир Алексеевич писал своим родственникам: «Простите меня, дорогие мои, за все мои преступления против вас, ведомые и неведомые. Земно кланяюсь вам и прошу забыть все злое мое. Помолитесь за меня, особенно 28 вечером (около девяти часов), когда будет в Параклите мое пострижение в монашество. Иду в путь свой светло и с радостью. Теперь уже томлюсь, — скорее бы загородиться от преследующего меня по пятам мира черными одеждами. Прошу вас всех не отвращаться от меня и впредь своею любовью. Простите!» И через месяц: «Итак, вот уже почти месяц, как я монах. Много пережито, много перечувствовано. Будто какая высокая волна подняла меня, да и до сих пор еще не отпустила. 28 марта в Параклите состоялся мой постриг. Что я пережил, не умею рассказать, но после почувствовал себя помолодевшим, совсем мальчиком. В духовной радости пробыл пять дней в храме. Вернулся в академию, но еще до сих пор не вернулся к своим прежним делам. Началась Страстная, Пасха... Все это в нынешнем году для меня было особенное. В Великий Четверг впервые прошел царскими вратами — посвящен в сан иеродиакона и начал ежедневную почти службу, которая каждый раз доставляет мне великое утешение. В прошедшие дни моего монашества я переживал преимущественно чувство радости и душевного мира.

Что я теперь духовный, это меня почти не удивляет: как будто так и следовало, — даже странным стал казаться прежний светский вид. К новому имени привык, хотя и мирское еще не забыто. И так в радости встречал я Светлый праздник — “от смерти бо к жизни Христос Бог мя приведе”.

Вместе с кучими одеждами сброшено что-то такое, что тяготило, беспокоило; стало легче, покойнее. Говорят опытные люди, что это всегда первоначальному монаху подается вкусить душевного мира, чтобы он знал, ради чего должен он подвизаться при всех будущих искушениях.

А все же своих “мирских” друзей вспоминаю очень часто. Думается мне, что в отношении к ним и в монашестве я не имею повода перемениться. Интересно, конечно, как вы рассуждаете обо мне теперь: “Пропал человек неизвестно из-за чего”; “Что сделал с собой?” Эх, мир, мир! Я мир понял и примирился с ним, и очень жаль, что мир вовсе не хочет примириться с монашеством. А стоит только сознаться: “ведь не одна же форма жизни должна быть для всех”. Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалейте, а сорадуйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый».

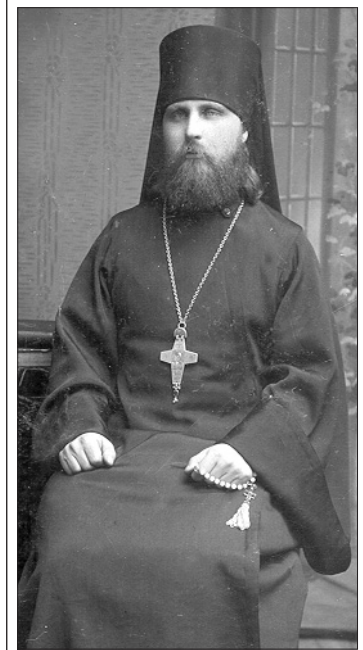
11 апреля он был рукоположен в сан иеродиакона; 2 июня, на Троицу, в сан иеромонаха. Прошло всего два месяца, как он был пострижен, и случилось то, чего он больше всего опасался, ради чего откладывал постриг, — 30 мая

иеромонах Иларион был назначен на административную должность инспектора Московской Духовной академии. С этого времени он потерял мир и покой. Об этой поре своей административной деятельности владыка Иларион всегда вспоминал как о каком-то кошмаре, почти равном по тяготе тюремному заключению, когда жаждущего уединения инока, неопытного в делах административных и житейских, влекли на житейское торжище, вменяя ему в обязанность принимать ответственные решения в качестве хотя и небольшого, но все же начальства.

5 июля 1913 года он был возведен в сан архимандрита; это был самый молодой архимандрит и профессор в России того времени.

С получением нового назначения жизнь его совершенно переменялась. Он писал родным: «Сейчас чувствую больше всего одно: совершенно выбит из колеи, разрушены до основания мои планы и намерения касательно ближайшего будущего, а оно у меня намечено было на целые годы. Настроение подавленное. Дел целая куча, в квартире базар, человек пятьдесят в день перебивает. Письма, телеграммы... Отвечать нужно, а иногда едва одно письмо за день написать ухитришься. Да и не скоро войдешь в новую колею. Летом, по крайней мере июль весь, придется сидеть в академии: буду я в своей особе совмещать и ректора, и инспектора, и помощника инспектора... Роптать не ропщу, потому что монах — церковная вещь. Личной жизни у него нет — один. Куда поставят — берись и работай. Три года уж каникул у меня не было, на нынешнее было рассчитывать, но вышло не по-моему. Слава Богу за всё!»

Но бывали и прямо тяжелые переживания, связанные с некоторыми поручениями Синода. Летом 1913 года архиепископ Никон (Рождественский) уехал на Афон разбирать дело тамошних монахов, и с ним предполагалось командировать архимандрита Илариона, чего ему никак не хотелось, но, по счастью, командировали преподавателя духовного училища С. В. Троицкого. Неприятное дело, связанное с афонскими монахами, настигло архимандрита Илариона через год. В марте 1914 года он писал своим родственникам: «За последнее время меня стали донимать поручениями высшего начальства. Когда требовалось что-нибудь написать, я принимал поручение всё же благодушно, но на днях такое получил от Синода поручение, что сразу потерял покой и хожу осунувшимся. Придется после Пасхи жить в Москве и вести дело увещания афонских монахов. Дело это вообще грязноватое, крайне ответственное, к моему образу... мало подходящее, требующее немалой книжной подготовки, которой я не имею вовсе, а времени и мало остается, и главное — без того не

Архимандрит Иларион

знаю, как справиться с академическими делами. Это поручение меня прямо угнетает...»

Соприкасаться с этим делом близко ему никак не хотелось, и Господь миловал — через месяц он об этом писал: «Дело с афонцами разрешается без моего участия. Возможно, что тревога была у меня напрасно, но она была, и времени у меня пропало много. Ведь до июня остается чуть больше месяца, а остается прочитать сорок четыре семестровых сочинения (прочитал на этой неделе восемь!), пять кандидатских, еще восемь экзаменов, а праздники, службы. Поневоле начнешь помышлять лишь о том, как бы дожить до июня, когда горизонт несколько разъяснится. А теперь только помогай Бог!..»

Через год после пострига, подводя вкратце итог прожитому, архимандрит Иларион писал родным: «Хорошая вещь монашество, но оно прошло мимо меня почти мельком. Беда моя вся в том, что у меня нет одиночества, а без одиночества мне жить трудно: теряется покой. Уж это хуже чего нет, если беспокойство и огорчение гонятся даже в твое жильё... В науке застой... грехов всяких чуть разве поменьше прежнего, а душевного покоя совсем незаметно. В этом не монашество виновато, а инспекторство мое. Инспектор я плохой...»

Впрочем, здесь сказывался не столько недостаток способностей к исполнению административной должности, сколько недостаток опыта, благодаря которому можно было отличить события важные, требовавшие применения административных мер, от несущественных. Скоро, однако, все происходящее окрасилось особыми переживаниями — началась Первая мировая война, которую в то время называли Отечественной, и было предчувствие, что ее последствия никого не оставят незатронутым. Первые месяцы после начала военных действий архимандрит Иларион иногда целыми днями читал газеты, пока фронт не стабилизировался и не стал вырисовываться затяжной характер войны. В тот год академия праздновала столетний юбилей. Теперь по служебному положению архимандрита Илариона все праздники и юбилеи непосредственно его касались, но в этом году из-за начавшейся войны юбилейные торжества были отменены, не было даже обычного ежегодного акта.

Во время всенародного молебствия на площади в Сергиевом Посаде архимандрит Иларион обратился к собравшемуся народу: «Православные русские люди! Не с радостью пришли мы сюда. Нет, не с радостью... Грозная туча народного горя и народной беды нависла над родиной нашей. Не капли дождя — капли слез горючих, капли крови алой, бесценной, падают из этой тучи ужасной на землю родную. Может быть, суждено пролиться целым потоком крови и слез. Отечество в опасности! Отечество в нужде и обстоянии! Отечество требует жертв от нас. Оно уже у многих из нас взяло родных и близких и — кто знает? — взяло, может быть, навсегда. Оно требует имений наших и даже самой жизни нашей. В наступающие дни нам всем придется немало перестрадать сердцем и душой.

Пробил грозный час суда над Русской землей. За последние десять лет мы все немало грешили. Мы, русские люди, допустили в нашей родной земле распространиться неверию. У нас небывалое прежде развращение нравов. Мы, русские люди, грешны пред нашей славной историей. Мы грешны пред

памятью и заветами наших предков. Мы грешны пред нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Разучились любить Царя и Родину. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и превозносить все чужое.

Пришел час искупить пред Богом наши народные вины, наши народные грехи...»

Чем дольше длилась война, тем тяжелее и определеннее сгушалось в сердце предчувствие. И прежде всего потому, что война не проясняла главного и единственно важного — ее значения и смысла для России, что идет война между страной, где основой народной жизни почти тысячелетие являлось Православие, и страной, которая почти тысячу лет назад отпала от Церкви, многие стороны жизни и культуры которой стали враждебны христианству. Беда была не в самом факте войны, но в том, что большая часть русского образованного общества, являвшегося наследником реформ Петра I, была по существу антинародна, настроена враждебно ко Христу и жаждала гибели отечества. Этот настрой тогдашнего общества оказался для него важнее, существеннее национальных, общенародных интересов, и оно готово было уничтожить и самый народ, только бы не сходить с той позиции, которую оно мыслило, как западноевропейскую и свою собственную, и которая в те времена заключалась в безбожии и материализме.

Такое умонастроение интеллигенции оказало влияние и на часть духовенства и вызвало, в частности, бесчисленные нападки на монашество. В 1915 году думское духовенство составило «Записку», в которой были следующие строки: «Нынешние семинарии не умеют привить своим питомцам искренней веры и сердечной любви к Церкви. Из многих недостатков духовной школы следует прежде всего указать на неудовлетворительный подбор руководителей школ, которые по преимуществу выбираются из монашествующих лиц, в большинстве случаев молодых и малоопытных в педагогическом деле. Можно указать на сотни случаев, когда монах, почти только что сошедший со студенческой скамьи, в 25–26 лет назначается смотрителем или инспектором семинарии».

Ложь думских политиков была настолько возмутительна, что архимандрит Иларион счел своим долгом ее опровергнуть. Чтобы не быть голословным, он поднял отчеты обер-прокурора за 1913 и 1915 годы. Из официального отчета следовало, что монахов среди учащихся в духовно-учебных заведениях было всего 2,7%, остальные — белое духовенство и (большей частью) светские люди. По официальному отчету среди лиц, занимавших в духовно-учебных заведениях административные должности в 1915 году, светских было 60%, белого духовенства — 30%, монахов — 10%.

Приведя эти цифры, архимандрит Иларион написал в заключение: «Где же преимущественное назначение в руководители школ лиц монашествующих? Где обещанные сотни 25–26-летних монахов на инспекторских и смотрительских местах?»

Если подбор руководителей духовных школ неудовлетворителен, то почему в этом виноваты только монахи, если их на административных постах только 10%, а вообще на духовно-учебной службе и всего лишь 2,7%.

Но я ни на минуту не сомневаюсь, что статистически опровергаемая неправда будет неустанно повторяться и в печати и в обществе, истина невыгодная — никому не дорога!»

В августе 1916 года во вступительной лекции в Московской Духовной академии архимандрит Иларион сказал: «Ныне мы опять переживаем тяжелую Отечественную войну и снова воочию видим неприглядную изнанку европейской культуры. Неужели и эта война пройдет бесплодно для русского общества, как без пользы пережита была Отечественная война сто лет назад? А ведь у нас и теперь раздаются голоса о том, что мы воюем не с западноевропейской культурой, а только с прусским милитаризмом. А эта война, казалось, могла бы научить русских людей многому, — прежде всего тому, что для излечения разъедающих русскую душу ран необходимо раскаяться в двухвековом грехе против Церкви, возвратиться всем к вере отцов и дать Православной Церкви прежнее место в жизни государственной и общественной. Перед началом войны Церковь в России была унижена до крайности. Прежде, по Регламенту, Церковь была подчинена Государю; это можно было оправдывать. Но русский монарх призвал к жизни конституционные законодательные учреждения. Церковная жизнь в новом законодательстве совершенно не выделена из круга ведения представительных учреждений. И теперь юридически обсуждать и решать многие вопросы даже внутренней церковной жизни получили право и Фридман, и Чхеидзе. Порабощение Церкви государством достигло окончательного развития. И это в то самое время, когда и раскольники, и сектанты, часто вредные России, выросшие из немецкого семени, получили полную свободу. Открываешь газету и видишь, как легко раскольникам собраться на собор. Вспоминаешь, как и высланный теперь из России Фетлер устраивал съезды баптистов в древней православной Москве. И только Православная Церковь не может составить собора и поставить на нем законного главу, согласно 34-му апостольскому правилу!

Тяжело иногда бывать в Московском Успенском соборе. Это тогда, когда видишь там людей не молящихся, а “осматривающих достопримечательности”. Эти люди ходят по собору, будто по музею. Даже раки святителей московских ничего им не говорят, и они пред ними не только не поклонятся, даже не перекрестятся. Но пришлось мне в этом году служить в Успенском соборе раннюю обедню. Едва добрался до алтаря — так наполнен был собор простым народом. Бесконечные вереницы богомольцев шли и благоговейно лобызали мощи великих святителей во всех четырех углах собора. Понял я, что жива еще русская душа и древний священный собор не обратился для нее в бесчувственный археологический музей, за каковой его почитают чуждые церковной жизни интеллигенты! Но еще больнее, чем всегда, было видеть пустое патриаршее место! Хотелось воскликнуть: доколе, Господи! Когда же взойдет на это место верховный пастырь русского народа, возьмет в свои святительские руки свирель и палицу и соберет в единое Христово стадо всех русских людей, включая тех горохищных овец, которые разбежались теперь по Воробьевым горам и пасутся по чужим и вредным пажитям?»

Хорошо понимая, что война имеет религиозный характер, что люди умирают или за веру, или борясь с верой, архимандрит Иларион принял живое участие в миссионерской и противораскольнической деятельности. По поручению Святейшего Синода он частью отредактировал, а частью составил сам двадцать четыре полемических листка против унии и напечатал их в количестве шестисот тысяч экземпляров. Особое недоумение у него вызывало, когда какой-нибудь преподаватель и специалист, например по современному сектантству, проникнутый патриотическими чувствами, подавал прошение об увольнении из академии, чтобы принять участие в боях действующей армии. Так преподаватель недавно созданной кафедры по истории обличения русского сектантства А. В. Ремизов подал прошение о разрешении поступить на инженерные курсы для последующего служения в армии. Такое разрешение ему было дано. Архимандрит Иларион высказал, однако, по этому поводу совершенно отрицательное суждение. Он писал: «Долг патриотизма требует оставаться на своем месте и заниматься своим прямым делом, на которое поставлен и к которому приготовлен».

А между тем борьба с немцами идет не только на поле брани, идет она и в торговле, и в промышленности, и в науке. Борьба с сектантством, с этою “немецкой верою”, есть борьба с тем же вражеским духом и вражеской мыслью. Эта борьба есть прямая обязанность господина Ремизова, и при исполнении этой обязанности он, несомненно, может быть более полезен, как имеющий уже подготовку своим образованием».

С 7-го по 14 июля 1917 года по благословению Святейшего Синода в Московской Духовной академии состоялся съезд ученого монашества, на котором присутствовало около семидесяти монахов. На заседаниях съезда обсуждалось положение ученого монашества на учебной и неучебной службе. Было решено создать братство ученых монахов, утверждалась необходимость иметь этому братству свои монастыри и учебные заведения. Обсуждался также вопрос о том, чтобы сделать Духовную академию чисто монашеской с подбором профессоров из числа монашествующих.

Горячим сторонником такого рода реформы был епископ Феодор (Поздеевский). Перед его взором предносился идеал строго монашеского, аскетического и строго православного учебного заведения. Этот идеал, страстное желание чаемого затмевало видение действительности, того, что русская жизнь стала далека от этого идеала и попытка достичь его административным путем ни к чему привести не могла. Большинство в тридцать голосов против девятнадцати при остальных воздержавшихся была проведена предложенная им резолюция: «Съезд ученого иночества считает необходимым, чтобы церковный собор в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академий на началах автономности, оставил хотя одну из существующих академий не затронутой этой реформой, реорганизовав ее на началах строго церковных в смысле устава дисциплины и быта и обеспечив ее профессорами из лиц священного сана (преимущественно монашествующих), а равно и мирян строго церковного настроения, и сделав ее органом проявления деятельности братства».

Голосовавшие против этой резолюции профессора Московской Духовной академии архимандрит Иларион и иеромонах Варфоломей (Ремов) подали свое отдельное мнение: «Считая желательным, чтобы церковная власть организовала одну Духовную академию с особым уставом, определяющим ее управление и быт на строго церковных началах, не находим, однако, никакой возможности согласиться с принятой съездом резолюцией. Особая академия в резолюции предлагается “в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академии на началах автономности”. В этих словах резолюции выражено осуждение существующих академий, совершенно ими не заслуженное, потому что считать профессоров академий врагами православной веры нет каких-либо достаточных оснований. История академической науки вообще заставляет с большой осторожностью бросать профессорам академий обвинение в неправославии, так как общеизвестны факты, когда положения ученых работ, поспешно объявленные вредными для Православия, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозит какой-либо особой опасностью для православной богословской науки и вводимая в жизнь академическая автономия, потому что деятели академические остаются те же, и автономия не сделает их врагами Церкви, какими они не были раньше...

Признавая бесполезным устройство особой церковной академии, не можем, однако, желать, чтобы эта академия была сделана органом проявления деятельности монашеского братства. За последнее время церковная власть препятствовала образованию ученого монашества в тесном смысле этого слова, направляя академических монахов обыкновенно по пути церковно-практической деятельности и не давая монахам возможности надолго оставаться на академических профессорских кафедрах. Поэтому нельзя не признать того факта, что ученое монашество в настоящее время в общем не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения. Та программа деятельности, которая предлагается для образуемого монашеского братства, носит характер по преимуществу практический. А потому это братство мы и не можем считать достаточно авторитетным в глазах широкого церковного общества для того, чтобы иметь своим органом, между многими другими, и высшую богословскую школу. Мы очень опасаемся, как бы братство на первых же порах своего существования, взявшись за непосильное дело, не доставило радости своим недоброжелателям».

После февральской революции в 1917 году открылся Поместный Собор. Архимандрит Иларион, принимавший самое деятельное участие в его работе, так описывал обстановку, при которой начинался Собор, на страницах «Богословского вестника»: «Церковный Собор... За последние двенадцать лет эти слова не сходили с уст всех церковных людей, не сходили со страниц духовной и светской печати, слышались с высоты парламентских трибун. И однако... Собора все не было. Будто какое заклятие висело над соборной жизнью Церкви Русской. Высочайшая резолюция 31 марта 1905 года на докладе Святейшего Синода о созыве Собора: “Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и

обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления". Годы шли за годами; в несколько изменившихся условиях государственной жизни положение Православной Церкви становилось невыносимым. Церковная жизнь приходила все в большее и большее расстройство. За Русскую Православную Церковь болели душой даже и чужие для нее люди. Прежде гонимые религиозные общины получили свободу. В древней православной Москве беспрепятственно заседали соборы раскольников, собирались съезды баптистов. Для Православной же Церкви все еще не наступало лето благоприятное. Самодержавие царское, по петровскому идеалу образовавшееся, все время было враждебно к самостоятельности русской национальной Церкви и в этом отношении, себе на погибель, осталось верно себе до самого конца. Потребовался стихийный переворот, ниспровержение самого царского престола, чтобы наступило и для Православной Церкви благоприятное время созвать Собор, которого она лишена была двести тридцать пять лет. Отношение царствовавшей династии к Православной Церкви — это исторический пример неблагодарности. Триста лет назад Церковь требовала национальной династии, отвергая династию иноверную. Первосвятитель Русской Церкви Святейший Патриарх Ермоген претерпел за идею национальной династии мученическую кончину. А эта династия скоро обратилась в совершенно чуждую русскому народу, уничтожила патриаршество, поразила пастыря Русской Церкви и лишила рассеянных овец возможности собираться воедино, доведя тем самым Церковь до крайне бедственного состояния. Ужасным позором и тяжким всенародным бедствием оканчивается петербургский период русской истории...

Состав Собора так же пестр и многообразен, как сама стомиллионная Российская Православная Церковь...

И радостно было видеть эту разнообразную массу соборных членов, и вместе с тем жутко и боязно. Радостно потому, что наконец осуществилась мечта многих поколений русских православных людей о возвращении Церкви канонического соборного управления, так нагло в ней поруганного со времен Петра. Боязно потому, что так долго не было соборов, так много накопилось в церковном теле недоразумений, взаимного непонимания, иногда вражды и недоброжелательства. Эти люди столь разнообразны, столь далеки друг от друга, так отвыкли друг от друга — смогут ли они объединиться в общей любви и единомыслии, понять друг друга, оценить друг друга, простить друг другу прошлое ради лучшего будущего? Все эти тревожные вопросы неотступно волновали мысль и создавали беспокойное состояние духа.

Были моменты особенного духовного подъема. Таков был момент открытия Собора после литургии в Успенье. Со всей Москвы собрались крестные ходы во главе со святителями. На помосте среди собора в полном облачении стояло несколько десятков святителей Русской Церкви. К ним присоединилось множество архимандритов, протоиереев и иереев. Члены Собора миря-

не вышли на середину же собора. Первосвятитель — Киевский митрополит читает краткую грамоту об открытии Собора. Члены Собора запели Символ веры. Момент был потрясающий, у многих на глазах слезы. Тотчас длинной вереницей члены Собора вышли из собора и, зайдя к святителю Алексию в Чудов монастырь, направились на всенародное молебствие на Красную площадь. Ясный, солнечный день, площадь залита многими тысячами народа, целый лес хоругвей возвышается над чернеющей толпой. По особому чину совершенно было молебствие на Лобном месте, и среди хоругвей члены Собора через Никольские ворота возвратились в Кремль. Около иных хоругвей стояли почти целые приходы православных москвичей со своими духовными пастырями. Иные приходы встречали проходящий мимо Собор пением тропарей. Во все время пути слезы неволью застилали глаза. То были слезы умиленной радости, согревающей сердце и умягчающей душу...»

Событиями, происходящими на Соборе, интересовалась тогда вся академия, ее профессора и студенты. Когда стало известно, что Собор предполагает восстановить патриаршество, мнения в академии разделились. Часть профессоров и студентов считали нежелательным восстановление патриаршества, которое может воспрепятствовать начинающимся «свободам» и поведет к поставлению вместо смещенного «царя земного» — «царя церковного», могущего узурпировать власть Собора. Узнав, что в академии высказываются мнения против восстановления патриаршества, архимандрит Иларион срочно поехал в Сергиев Посад и вечером того же дня прочел в академии лекцию на тему: «Нужно ли восстановление патриаршества в Русской Церкви?» На лекции, продолжавшейся около трех часов, присутствовали почти все профессора и все студенты. Архимандрит Иларион говорил о патриаршем периоде в Русской Церкви, а затем о том, какие беды проистекли от уничтожения патриаршества: сделалось как бы законным вмешательство в дела Церкви светских людей, чиновников, многие из которых были иноверцы, часто карьеристы, готовые забыть о Царе Небесном ради угождения царю земному, а иногда и совершенно неверующие люди. Возражая тем, кого смущали границы патриаршей власти, архимандрит Иларион сказал: «Теперь наступает такое время, когда не царским венцом будет венец патриарший, скорее, венцом мученика и исповедника, которому придется самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского».

Лекция завершилась бурными аплодисментами присутствовавших, среди которых едва ли еще оставались люди, убежденные в необходимости синодального устройства Русской Православной Церкви. Архимандрит Иларион мог со спокойной душой вернуться в Москву на Собор.

Сбывались чаяния отца Илариона о восстановлении канонического строя Русской Православной Церкви. Но на Соборе патриаршество имело и своих противников, зачастую смотревших на Православную Церковь не как на Богом основанную и управляемую Духом Святым, а как на земное учреждение и организацию, для которой важны рамки прав и обязанностей, имеющих, скорее, земной, юридический характер. Архимандрит Иларион выступил на Соборе с речью в защиту патриаршества. «Везде и всегда, — говорил он, —

меняются формы высшего управления Поместных Церквей, меняются сами Поместные Церкви, но неизменно сохраняется тот закон высшего управления, по которому оно возглавляется первоиерархом. Имена и объем власти первоиерарха изменяются, но непоколебимо стоит сам принцип первоиерарха в каждой Поместной Церкви.

Печальным исключением является наша несчастная Русская Церковь со своим Синодом. Вся Вселенская Церковь Христова до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без первоиерарха. Никогда и Русская Церковь не была без первоиерарха. Наше патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Но не во время ли патриархов было особенно много у нас Соборов? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас патриаршество. Кому же?.. Московскому единодержавию, преобразованному Петром в неограниченное самодержавие, помешало русское патриаршество. В столкновении с государственной властью угасло на время русское патриаршество, и во главе Русской Церкви стала неведомая всей Христовой Церкви коллегия, в которой скоро воцарился дух монарха, потому что приставленный к ней обер-прокурором какой-нибудь гусар «сонмом архиерейским, как эскадроном на ученьи, командовал». Учреждение коллегии было, во всяком случае, новостью в Церкви Христовой; новость эта создана была по голландско-немецким образцам и вовсе не ради пользы церковной...

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против патриаршества. Отцы и братие! Не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагодарную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (Деян. 5, 39)! Мы и так уже согрешили, согрешили тем, что не восстановили патриаршества два месяца назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое патриаршее место? Разве не обидно было видеть, что Московский митрополит за всенощной под Успенье стоял где-то под подмостьями? Разве не горько было видеть на историческом патриаршем месте грязную доску, а не Патриарха? А когда мы прикладывались к святым мощам чудотворцев московских и первопрестольников российских, не слышали ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их первосвятительская кафедра?..

Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа, должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Российский от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший

Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, тогда будет великая радость на земле и на небе».

В значительной степени благодаря выступлению архимандрита Илариона прекратились словопрения по поводу патриаршества, голоса противников умолкли, загражденные мужественно произнесенными словами правды, и само слово, хотя и было высказано одним человеком, но прозвучало как голос Церкви, против которого могли возражать только прямые ее враги.

Зиму 1918–1919 годов архимандрит Иларион целиком посвятил лекциям в Духовной академии, службам в московских церквях с обязательной проповедью, а также занятиям в комиссии по устройству мировой конференции христианства, где он держался ясной и твердой позиции. В своем письме секретарю комиссии по устройству мировой конференции христианства Гардинеру архимандрит Иларион писал: «По Вашему убеждению все именующие себя христианскими общества составляют единую Христову Церковь, но лишь ослабленную в ее единстве... Такое учение о Церкви принять совершенно невозможно, так как оно, безусловно, неведомо древней Церкви, в которой не знали никакого ослабленного понятия о единстве Церкви... Основную истину христианства, его великую тайну — воплощения Сына Божия, признают все христианские вероисповедания. Но это одно не может сливать их в единую Церковь. Ведь бесы, по апостолу Иакову, веруют (2, 19), и веру свою, по свидетельству Евангелия, исповедовали, подобно апостолу Петру (Мф. 16, 16; Мк. 1, 24; Лк. 8, 28)».

Зная, что ведутся какие-то совещания по поводу сближения Православной Церкви и католичества, студент Духовной академии Сергей Волков задал архимандриту Илариону вопрос о том, не предвидится ли соединение церквей. «Эти собрания происходят под моим председательством, — ответил архимандрит, — а потому вряд ли может быть от них какой-нибудь положительный результат... Впрочем, если Рим покается, то...» — начал он говорить, но не закончил фразу, так как несколько не верил в покаяние Рима.

После прихода к власти большевиков сразу же начались гонения на Церковь, и уже 10 марта 1919 года архимандрит Иларион был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Своим близким он писал из тюрьмы: «Поздравляю вас с праздником. И приехал бы я на праздник, да не пускают меня. Завтра исполнится два месяца, как я арестант, и продолжаю состоять таковым, а сколько мне остается быть таковым — не знаю. Вызывали меня к следователю. “Дело” мое и следователю показалось смешным, и вины он никакой не нашел. “Завтра, — говорит, — об этом доложу в коллегии”. Увы! После допроса прошло 16 дней, а я ничего о себе не знаю. Вопрос: почему? в нашей славной республике вообще ведь неуместен.

Живу я по-прежнему хорошо: совсем здесь обжился, будто так и нужно. Здесь я даже поправился, потолстел, физически чувствую себя совсем хорошо. Чтобы усилить циркуляцию крови — начал я ходить на работу, например выкачивать воду из тюремных подвалов. Хорошо, что несколько часов проведешь на воздухе и немного мускулы разовьешь. За работу еще фунт хлеба прибавля-

ют. Питаюсь по настоящему времени прекрасно. Время идет незаметно; даже досадно, что, например, книги медленно читаются. Жизнь идет размеренная, правильная. Будь все это где-нибудь в хорошей местности, прямо санаторий. Весна что-то плохо о себе заявляет в природе, а потому как-то не обидно быть за стенами и решетками...

Сейчас в камере собралось у нас три профессора. Читаем время от времени лекции; прошли курс стенографии. Прямо считаю нужным сказать, что эти два месяца прожил я и не без пользы, и даже интереснее, чем жил бы вне тюрьмы».

Это первое его тюремное заключение продолжалось около трех месяцев.

24 мая 1920 года, в полдень, в храме Троицкого патриаршего подворья состоялось наречение архимандрита Илариона во епископа. При наречении архимандрит Иларион, обращаясь к Патриарху Тихону и присутствовавшим здесь архипастырям, сказал: «В сей наречения день благодарю Бога, глубокою мудрости человеколюбно вся о мне строившего и всегда полезная мне подававшего.

Благодарю Бога, из небытия в бытие меня приведшего и подавшего мне в наслаждение высочайший дар Своей любви и благодати — бытие, озаренное сознанием.

Благословен Бог, просвещаяй и освещаяй всякого человека, грядущего в мир, и меня, бессловесного младенца, банею пакибытия возродивший, сочетавший меня с Собою и с избранным Своим стадом спасаемых.

Благодарю Бога, показавшего мне сей чувственный свет в доме служителя Своего, приведшего меня в мир сей от духовных предков, почему с детства своего приблизился я ко храму святому Его и не знал иного там места, кроме клироса и алтаря.

Буди имя Господне благословенно и за то, что не имел я изнеженного воспитания в детстве своем, вырастая среди лугов, полей и лесов моей родины в любезной простоте трудового быта, почему, если и стыжуся просить, то копати могу (Лк. 16, 3), и требованию моему могут послужить мне руки мои сии (Деян. 20, 34).

Благодарю Бога, от дней детства отверзшего мой ум, вложившего в него жажду знания и проведшего меня не через иную какую школу, но через школу духовную.

Наипаче и непрестанно благодарю Бога за то, что Он даровал мне великую радость и счастье жить и учиться в Московской Духовной академии. В детстве лишившийся матери-родительницы, в юности обрел я в академии мать-воспитательницу, которая вот уже четырнадцать лет насыщает меня не млеком точию, но и твердою пищею богословия. До конца дней моих хотел бы я паче быть последним служителем ее и избыточествовать хлебы, нежели быть кем бы то ни было вдали от нее и лишаться.

Благодарю Бога, сподобившего меня немало лет пожить под благодатным кровом игумена русской земли — преподобного Сергия, видеть там веру народную, иногда ею до слез умиляться, видеть там жажду духовную и самому распалиться желанием подать народу жаждущему хотя бы каплю питания духовного.

Благо мне, яко смирил мя еси, Господи, яко да научуся оправданием Твоим (Пс. 118, 71), ибо горд я был и скор на гнев судити чуждему рабу (Рим. 14, 4), и Господь, Который вся ходящая в гордости может смирить (Дан. 4, 34), вразумил меня грешных людей понимать, грешным людям сострадать, грешных людей прощать.

Слава Богу и за все то, что пережито и передумано за эти последние годы бури и смятения, когда предана есть земля в руке нечестивого (Иов. 9, 24), когда русское государство, отделив себя от Церкви Христа, вступило в теснейший союз с синагогой сатаны (Апок. 2, 9). В эти годы лишь окрепла моя вера в Церковь и утвердилось сердце мое в надежде на Бога. Когда до основания разрывают старый мир, чтобы лишь на развалинах его строить новый фантастический мир, когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке, когда падоша сильнии (2 Цар. 1, 25, 27) многие, твердое основание Божие (2 Тим. 2, 19) — Церковь Божия, стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багрянницею и виссом, кровью новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят (Иларион, Отр. 7, 4). Враги хотели бы почитать нас отжившими, умершими, но вот мы живы (2 Кор. 6, 9), и жива будет душа наша (Пс. 118, 175). Не веруем только, но и видим, что врата адовы бессильны пред вечным Божиим созданием. Среди ветров лжеучений, среди мутных яростных волн злобы, лжи и клеветы неистовых врагов как скала стоит Церковь, та Русская Православная Церковь, о которой так любили недавно повторять, что она в параличе, что лишь полицейской силой государства держится она. Но вот силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников. Наблюдая все это и размышляя над всем этим, чувствую я, что распространились стопы мои подо мною (Пс. 17, 37) и на камне поставил Господь ноги мои (Пс. 39, 3), да не ослабеет сердце мое (Втор. 20, 3).

Сие последнее Божие благодеяние наипаче таить не могу в сей час, когда стою перед сонмом вашим, архипастыри Церкви, призванный к служению епископскому. Молодой вол трясет головой, когда на него надевают ярмо, потому что это ярмо для него непривычно. Ново и для меня то иго, какое вы ныне на меня налагаете, и выя моя трепещет этого ига. Со дней детства определил я себя на служение Церкви и ей одной служил доселе, сколько позволяла мне лень моя. Всю свою деятельность ученую и профессорскую почитал я служением Церкви и в этом служении видел высший и единственный смысл всей нашей академической работы. Но то служение Церкви, какое я проходил доселе, оно совсем иное, нежели предстоящее мне служение епископское. Прежде я читал книги, теперь должен читать сердца человеческие, эти мудренейшие и часто вовсе непонятные письма. Тогда писал я чернилами на бумаге, отныне предстоит мне благодатью писать образ Божий в душах человеческих. Прежде учил я; ныне должен вести ко спасению. Раньше мог я оставаться под спудом, ныне выставляете меня на свещнице церковном. Прежде мог я скрываться от людей и быть в любезной неизвестности, отныне должен я светить людям светом добрых дел. Всей душой любил я жизнь академическую, от

мира отрешенную, над миром возвышенную, уединенную, как бы пустынную. Больше всего за последнее время жалел я о том, что терял свое единственное сокровище — возлюбленную пустыню. Ныне вы отнимаете у меня надежду в эту пустыню снова и всецело возвратиться. Епископ должен быть всегда в круговороте жизни человеческой. У него ежедневное стечение людей, которое можно назвать нападением по вся дни (2 Кор. 11, 28), всем он должен быть вся (1 Кор. 9, 22), всем себя поработить (1 Кор. 9, 19), для немощных быть немощным (1 Кор. 9, 22), изнемогать с изнемогающим (2 Кор. 11, 29), одних утешать, других наставлять, а иных и обличать (2 Тим. 1, 9).

Привыкнув к прежнему своему служению и всей душой его полюбив, я боялся архиерейства и всегда немало говорил против своего епископства. А ныне стою перед вами, архипастыри, приняв звание ваше, и нимало вопреки глаголю, ибо тверда моя надежда на Господа. Вижу ныне ясно, что велика нужда в делателях на ниве Божией. Знаю теперь твердо, что воля Божия управляет Церковью и не без Божией воли поставляются в Церковь епископы. Слышу пророческое увещание: благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей (Плач. 3, 27), и склоняю выю свою под омофор епископа. Господь милосердный да примет душу мою, сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет (Деян. 21, 14).

Но исповедую и то, что ныне смущает бедную душу мою. Был я грешным мирянином, стал грешным монахом, сделался грешным иереем, но быть грешным архиереем — трепещу. “Чем столько согрешила Церковь Божия, чем так прогневала Владыку своего, чтобы быть ей предоставленною мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению?” Так восклицает Иоанн Златоуст (О священстве. 6, 12). Какими же словами скажу я, грешный и окаянный паче всех человек? Как осмелюсь я отверзать уста свои, зная грозное слово псалма: грешнику рече Бог: вскую ты поведаша оправдания Моя? Обличу тя и представлю пред лицом твоим грехи твоя (Пс. 49, 16, 21). А грехи мои, яко бремя тяжкое отяготеша на мне, возсмердеша и согниша духовныя раны моя от лица безумия моего (Пс. 37, 5–6). Паче блудницы беззаконновав, слез токи отнюдь не принесох. Человеколюбче щедре, от скверны дел моих избави мя, да не буду стяжание ни брашно чуждему, и, проповедуя другим, сам останусь неключим (1 Кор. 9, 27).

Прошу вас и молю, святители Божии, непрестанно о мне молитесь Христу Богу, да сподобит Он меня причаститься благодати архиерейства не в суд или во осуждение, да возгревает сия Божественная благодать углие огненное в совести моей, попаляя терние всех моих прегрешений в прочее время жизни моей, и да не низведен буду по грехам моим на место мучения, когда окончу поприще сей временной жизни земной».

На следующий день архимандрит Иларион был хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. С этого дня жизнь его совершенно изменилась. Если до хиротонии он имел еще время на ученые занятия, на чтение духовных книг, неизменно находя в них подкрепление своей душе, то теперь у него времени не было: он служил почти ежедневно, утром и вечером; бывало, что в день ему приходилось говорить по две проповеди. Домой он при-

езжал днем только на два часа, которые использовал для отдыха перед вечерней службой, а то и по нескольку дней не ночевал дома вовсе. Он посещал со службами храмы и монастыри Верейского уезда, и такие поездки перерастали иногда в путешествия, которые длились по месяцу. Если выдавался свободный от богослужений день, то с утра до позднего вечера владыка принимал приходивших к нему за разрешением насущных проблем людей. И от всего этого уклониться было нельзя.

Это было служение архиастырское, когда он словом, примером поддерживал колеблющихся и малодушных, научал малознающих. За год своего архиерейства он отслужил сто сорок две литургии, более ста сорока всенощных и произнес триста тридцать проповедей, и это при том, что в тот год он два месяца проболел тифом, причем месяц ему пришлось пробыть дома безвыходно. Болезнь вызвала осложнение на сердце, и впоследствии при всяком переутомлении это давало о себе знать.

Сообщая о себе, епископ Иларион писал своим близким: «Совсем потерял свободу. Будто арестант, прикованный к своей тачке, — так и живу. Не только дней нет свободных, нет и часа свободного, когда мог бы я заняться тем, чем хочется, а не тем, что нужно к спеху. Уж хоть бы в Бутырку на отдых взяли. Это единственная доступная нам дача или санаторий. Не знаю, как-то сил еще хватает, хотя нередко и силы падают, и дух оскудевает». «Лето* все прошло в непрерывных разъездах по Москве и по Московской губернии. Ведь и по Москве бывают концы больше десяти верст. Времени совсем не хватает, и все спешишь. Нередко и устаешь. Хорошо еще, что уставши, скоро я отхожу — видно, еще молод.

А за последний месяц опять осложнение жизни: снова арестовали преосвященного Петра**, и опять за его стол сел принимать людей, чающих... преимущественно развода. Нет у меня ни утра, ни вечера... Некогда читать, некогда писать, некогда... даже грешить. Ради третьего, может быть, Господь и устраивает мне такую жизнь».

Активная церковная деятельность святителя, его проповеди за богослужениями и помощь Патриарху Тихону, его блестящие выступления на диспутах стали с раздражением замечаться властями. 22 марта 1922 года епископ Иларион был арестован. Его обвинили в том, что он исполнял поручения Патриарха, принимал в патриаршем подворье посетителей, приходивших за советом по церковным делам, устраивал диспуты и, обладая большой эрудицией в богословских вопросах, дискредитировал выступавших против него оппонентов-безбожников. 22 июня Коллегия ГПУ постановила выслать епископа на один год в Архангельскую губернию.

4 июля 1922 года епископ Иларион вместе с этапом заключенных прибыл в Архангельск и 10 июля был освобожден из тюрьмы. После ежедневной и ежечасной загруженности, после следствия и этапа ссылка показалась неожиданным отпуском. Большой город, почти в центре города — дом, в котором

* 1921 года.

** Полянского.

хозяева выделили ему отдельную комнату с выходящими на солнечную сторону окнами. Первое время он почти целыми днями ходил по набережной величественной Северной Двины, наслаждаясь свежим воздухом, покоем и свободой. Тем, что не надо постоянно усиливаться и принуждать себя к тому, чтобы переделать все необходимое, чего уже нельзя отложить, но для совершения чего уже нет сил. Правда, природа была непривычной, отовсюду наступали на жилые лес или болота, и почти совсем не было открытых пространств. «Чтобы луг или поле устроить, нужно среди болота поискать сухой пригорок: там лес. Лес нужно свести — получится “чишемина” — вот и заводи луг или поле. К нему нужно устроить дорогу через болото: насыпают опилки... бросают доски, палки и так далее. Получается своеобразная дорога. А болото или с мелким и редким лесом, или чистое.

Мох всяких сортов. В первый раз увидел, как клюква растет... Представьте сплошной ковер мха светло-коричневого, и по нему разбросаны, наполовину в нем утопая, красные ягоды величиной с небольшую вишню... Когда ее много, будто кто рассыпал по мху ягоды».

Одно было прискормно и заботило — невозможность, как ссыльному, постоянно служить в храме и известия о церковных событиях.

Родным епископ писал: «Служу я очень мало. 15 июля тихонько в церкви около дома послужил, а сегодня в соборе кафедральном. И только.

А это верно: в праздники мне скучно без службы, хотя ведь в будни тоже никакого дела. Одним словом, в моей жизни много и хорошего, главное — свободное время и можно учиться. Пригодится ли это учение когда — не знаю. Ну, для себя! Хочу на бухгалтера научиться: курс лекций по счетоводству уже лежит на столе.

А уж “оживляют” церковь пусть другие; нам с ними не по пути. Интересно, что на съезде для “оживления” только и надумали: 1) жениться архиерею, 2) жениться монахам с оставлением в сане, 3) жениться священнику на вдове, 4) жениться священнику вторично, 5) жениться на свояченице, 6) жениться на двоюродной сестре. Итак, шесть “жениться” — и только! Как просто-то оказывается! Ну что ж! На здоровье! А уж мы лучше по ссылкам поездим, а преклоняться перед наглостью, бессовестностью и глупостью не преклонимся. Дело-то не Божие, а потому разорится рано или поздно.

А главная гнусность — сплошная политическая провокация. Всегда наши либералы первыми за городовыми бежали...

Живая церковь в Москве и Петрограде совсем переругалась, так что оказалась и очень *viva**. Постановление съезда похоже на бред каких-либо товарищей... “Новоиспеченных” по канонам нельзя признавать в сане, потому что все поставления их незаконны. Такого взгляда и держусь. По пути «оживления» идти не могу — поздно, уже не годен, “оживительница” сбежит».

«Осень у нас на редкость теплая и хорошая, до сих пор ниже четырех градусов не спустилась температура; деревья зеленые стоят, например тополя. Сейчас, например, пишу (половина двенадцатого вечера) с открытым окном.

* Живая (лат.).

Я сижу против окна в холщовом старом подрясничке. Окно и не думаю заставлять пока, а то задохнешься. Никак не ждал такой осени. Все Гольфстрем-батюшка старается. Да Новая Земля помогает, запирая входы в Карское море. Я ведь здесь географию Севера изучил по разным книгам, иногда очень серьезным. Времени-то у меня достаточно. Впрочем, не хватает. Книг много, и сразу их не прочтешь. А там систематических занятий предположительно немало. Да все от них отрываюсь. Хоть докторскую степень и есть за что присудить, но не за что будет мне ее присуждать долго еще. Здесь сделать ничего нельзя. Можно делать что-то только около академической библиотеки. Буду опять ждать, куда сошлют.

В Москве совсем спятили с ума. Соберутся человек тридцать–сорок случайных людей с улицы: “Давайте Живую церковь устроим! Давайте! Готово!” Ну не идиоты? А ведь и Живая церковь состоит из одних аферистов. Говорят, Троицкий Посад прямо в кабак обратили. А сколько безобразий самых гнусных! Я ведь за всем слежу. А что в газетах разных печатается, то и там много любопытного сообщают. Но, конечно, связь с ВЧК дает самозванцам видимость силы. Трусливые люди! А что по провинции делается! Столпотворение! “Смещение языков”. Например, за одной службой соборной в одном губернском городе епископ поминает ВЦУ, протоиерей — тоже, второй диакон и певчие — Патриарха. Много еще всякой гадости будет. Так, видно, суждено. Русские пережили и такое унижение и поругание от своих иуд и предателей. Ну, а я надеюсь никогда не вступать в общение с ВЦУ и с разными самозванцами, хотя бы пришлось и много лет по ссылкам кататься...

Со здешним епископом* у нас добрые отношения. Часто у него бываю (две минуты ходу), делимся новостями, какие кто узнал. Служил я за три месяца всего пять раз. Пока здесь никакой мерзости не было. Но ведь может всякий день появиться или приехать. Тогда будет хуже. Да мне-то что, совсем замкнусь в жиле своем...»

Как жил владыка в архангельской ссылке в 1922 году и что занимало его мысли, хорошо видно также из писем к Елизавете Аполлоновне Воронцовой, его знакомой по Сергиеву Посаду.

5/18, в день памяти преподобного Сергия: «Нынешний день не могу мыслю быть нигде, кроме Посада и Лавры. С утра я нахожусь все там, вспоминаю я прошлые дни... Вы, может быть, уже знаете, куда Господь направил стопы мои. После довольно тягостной, изморенной жизни в течение трех с половиной месяцев в Москве попал я на крайний довольно неприветливый Север. В этом событии жизни своей вижу явную милость Божию, потому что не знаю, что могло бы случиться, если бы я остался в Москве. Бездна сумасшествия еще, по-видимому, исчерпана не до дна. Со дна поднялись самые густые остатки грязи... Еще не все для себя выяснил, не все мне известно, но уже вижу много глупости и низости, лжи и неправды. А для меня пока начинается время, которого напрасно я дожидался за последнее время. Маленькая комнатка (шесть на три аршина), книжки и свободное время. Господь помог

* Епископ Архангельский Антоний (Быстров).

и здесь устроиться, так что можно жить без назойливых забот, а убожество обстановки нисколько не огорчает мою пролетарскую душу...»

4 августа: «И сам не знаю причины, почему я переселился сюда. “Дела” у меня никакого не было. Все обошлось “без суда и следствия”. Видно, так нужно. Промысел Божий может действовать и через злодеев. Они думают, что свою злую волю творят, а на деле не то, волю Божию благую исполняют. Как и со мною. Мне, несомненно, благо уже в том, что скрылся я от мятежа человеческого... Что же касается смуты церковной, кроме глупости и безобразия, в ней ничего не вижу. Неудобно только писать подробно... Знаю и некоторых новых “деятелей”. Ждать от них добра — это то же, как если бы идти в кучу крапивы и искать малины. Зла от этих деятелей будет очень много. И многим от них придется пострадать, так как они имеют власть и казнить. И это при отделении Церкви от государства. Я думаю, что в моей личной жизни настоящее мое положение только начало болезни*, вероятно, немало лет пройдет в заключениях, в скитаниях повсюду, в нужде и лишениях. Но, зная церковную историю, нисколько не смущаюсь, избираю “страдать с людьми Божиими” лучше, нежели называться “сыном дочери Фараоновой”...»

Осень того же года: «Я уже так и думал, что Вы, Елизавета Аполлоновна, уехали куда-либо на берега Волги, а Вы, оказывается, всё на месте сидите. Сiju и я на месте, только разве несколько раз сделал прогулки в окрестности, больше по воде. Суша-то ведь здесь плохая, тотчас в болото попадешь. Хоть я и далеко забрался, но о московских делах хорошо осведомлен из разных источников, все эти сведения нарушают мирное течение жизни моей. Я могу быть равнодушен к моей собственной судьбе и жизни, но дело Церкви мне всегда будет дорого и близко. Сейчас вижу только одно: сатана работает без передышки и завертел иных даже разумных людей. Правда, среди новых “деятелей” подавляющее большинство авантюристов и аферистов, от этих нечего и ждать, кроме глупостей, безобразия и озорства. Но прискорбно, что иные, кого считал порядочными, по каким-то соображениям взбесились. Надеюсь, что Вы не повторите теперь своего совета, будто нужно вместе с ними работать. Нет, лучше жить в ссылках и в изгнании; но играть Церковью и ее законами, говорить глупости — извините. Во всем виновата, конечно, Ваша возлюбленная, перед которой Вы так слепо преклоняетесь, то есть советская власть. Она искусственно создала расстройство церковного управления, арестовав людей, не имеющих никакого отношения к политике. Она, вопреки своим собственным законам, поддерживает группу голомотяпов... А где же закон об отделении Церкви от государства? А ведь все время твердят об этих законах. Какое же лицемерие, какая бессовестность. Явное гонение на всех, кто верен святому православию...»

«Трудная и даже изнурительная жизнь, которую по воле Божией я вел последние пять лет, имела следствием для моей личной жизни успокоение страстей, если и не полное, то весьма значительное... После двенадцати лет службы ничего не имею, и желания иметь у меня нет. Иной бы ужаснулся, увидя меня

* В те годы словом “болезнь” обозначали в письмах арест и заключение.

сидящим в этой убогой комнате, и сказал: и это ты получил за двенадцать лет служения! А я очень доволен и рад тому, что живу здесь, главное — свободное время и книги... Вести о московской смуте доходят, и удивляюсь я низости человеческой и трусости крайней, за свое благополучие готовы всё подписать, чему и не сочувствуют. Значит, никаких убеждений нет у людей. Я же надеюсь к грехам своим не прибавить еще отступничество, хотя бы и пришлось еще много путешествовать...»

«Теперь можно положительно сказать, что изъятие ценностей было ненужным предприятием. Судя по отчетам, ценностей получено не более, как на двадцать миллионов золотых рублей. Теперь сосчитайте, чего стоит самое изъятие, перевозка, переливка (с угаром и... утечкой). Ведь в иных местах ящики для упаковки стоили столько же, сколько самые ценности. Прибавьте еще расходы по содержанию в тюрьмах тысяч арестованных по этому делу. Расходы на следствия и суды... Боюсь, не пришлось бы переплатить... Ведь в газетах лгали, что в храмах такие миллиарды, что ценностей будет поездов семь верст длины (это так писали бессовестные люди)... Бесчестные диоклетианы, нероны, декии прямо говорили: нельзя быть христианами, иначе казнь. А Ваши любимцы говорят и трубят на весь свет: у нас свобода совести самая полная, у нас отделение Церкви от государства. И в то же время на практике: а, вы не хотите подчиняться Красницкому, пожалуйста в кутузку, в ссылки. Только дайте свободу совести, и Живая церковь содохнет, но этой-то свободы и нет... Покров я провел в тоске и скорби. На всенощной, которую служил в одной приходской церкви, даже расплакался, когда запели: «О, великое заступление печальным еси, Богородице чистая». Повторяю слова псалма 136-го по адресу тех, кто разрушил наш сион. У Вас есть «Книга правил». Посмотрите... Вы увидите, что все красные попы и новые архиереи не имеют никакого священного сана и с ними нельзя иметь никакого общения. На этом я и утверждаюсь, что бы ни случилось при нашей «свободе» совести...»

«Меня совершенно не интересует моя личная судьба, потому что внешнее положение для меня не составляет ничего важного... Но я не могу не страдать и не говорить горячо, видя и понимая страдания Русской Церкви. Смута, произведенная негодьями... на чем держится? Она держится только на том, что сейчас преступно отменена свобода совести и уничтожено отделение Церкви от государства, установленные в основных законах... Есть люди, которых ссылают в дальние края именно как православных иереев, очищая место разным прохвостам. Это бессовестное издевательство над государственными законами людей, ослепленных своей глупой и тупой враждой к Православной Церкви, меня возмущает до глубины души. И разве это можно сколько-нибудь извинять? Это просто мерзко и больше ничего. Негодные люди были всегда, но никогда им не было такой свободы не только действовать, но и верховодить и «начальствовать»... Печальные мысли о церковных делах часто нарушают мой покой. Так что у меня за последнее время какой-то невроз, во сне все ругаюсь с самозванцами и отступниками, редкую ночь не вижу их во сне. Иногда даже за чтением внимание отвлекается от книги. Но благодарю Бога за всё. Как у меня тихо, например, сейчас, поздно вечером, и целые дни свободен. Служу

только два-три раза в месяц, больше нельзя по разным причинам, потому что нет свободы совести, то есть вероисповедания. Живу я очень скромно и убого, но душа моя насыщается за обильной трапезой книг по русской церковной истории. А ведь в Нижнем-то ересь господствует. Евдоким — один из предателей, взявший белый клобук из грязных и поганых рук Живой церкви. Молиться с таковыми нельзя...”

Так епископ Иларион прожил в Архангельске до конца года. Наступил Великий пост 1923 года, за ним — пасхальные дни, а там уже недалеко было и до окончания срока.

Владыка писал родным: “Провел первую неделю хорошо. Читал канон в храме и вообще был за чтеца и певца за службами. Сейчас я живу будто ничего себе; да только кто может поручиться хотя бы и за один день жития нашего?..

“Самозванщина” у нас на носу, но еще ее нет. Ведь в Живой церкви самое главное — самозванство ее управителей, никем не выбранных и никем не назначенных, и никому не нужных. Потому благодати на самозванных архиереях здесь столько же, сколько на любом татарине. И с ними в общение я никогда не вступаю, что бы ни было. А что будет? Ну постранствую пять, может быть, десять лет. Что ж? И странствовать может быть хорошо. Так, как я здесь живу, жить еще можно...

Не красна наша изба углами, а пироги в ней бывают. Приносят люди добрые. Вообще никогда в жизни я столько пирогов не ел, сколько здесь. В праздники, например, до пяти разных сортов приходилось есть — с семгой, с треской, с омулем, с клюквой, с селедками свежими: их в нынешнем году небывалый улов в устье Двины. За последнее время что-то значительно увеличилось число мирносиц и приношений разных. Пост, должно быть, смягчает сердца».

Епископ Иларион в это время получал много писем, часть из них приходила с оказией, часть по почте. Обширная переписка послужила причиной того, что ГПУ решило арестовать владыку и произвести у него обыск. Прочитав ордер на обыск и арест, епископ спросил: «Что же, вы арестуете меня независимо от результатов обыска?» Получив утвердительный ответ, владыка остался совершенно спокоен. Увидев, что сотрудник ГПУ откладывает письма, епископ заметил, что напрасно он это делает, потому что все они прошли через ГПУ и просмотрены; вот и на днях он получил очень неаккуратно заклеенное письмо, что ясно свидетельствует о том, что его в ГПУ уже прочитали. Пришедший во время обыска митрополит Серафим (Чичагов), также находившийся в ссылке, заметил, что это, вероятно, какое-то недоразумение, которое

*Епископ Иларион.
Архангельск. 1923 год*

обязательно выяснится, и владыку освободят. Епископ Иларион только рукою махнул — какое уж там недоразумение.

Однако, несмотря на все попытки составить против епископа обвинение, этого сделать не удалось, и он был освобожден из тюрьмы. Но ГПУ не оставило намерения арестовать епископа, и за несколько дней до окончания срока ссылки, 13 июня 1923 года, в его квартире был снова произведен обыск. На этот раз вовсе ничего не нашли, кроме нескольких номеров газеты «Наука и религия». Один из сотрудников ГПУ спросил:

— А где же письма, которые вы получали?

— Письма я сразу прочитывал, писал ответ и уничтожал, — ответил епископ.

За день до окончания ссылки, вечером 21 июня, преосвященного Илариона вызвали в Архангельское ГПУ и здесь объявили, что ему разрешено уехать.

5 июля он уже был в Москве. В тот же день в шесть часов вечера он отслужил всенощную в храме Сретенского монастыря, где до этого служили обновленцы. Перед началом богослужения владыка совершил чин освящения. Обращаясь к духовенству монастыря, он призвал его покаяться в обновленчестве и противлении Патриарху, причем принести покаяние принародное; непокаявшихся он не допустит до службы и не разрешит им входить в алтарь.

На следующий день, в праздник Владимирской иконы Божией Матери, в Сретенском монастыре служил Патриарх. Народу собралось столько, что храм не мог вместить всех, и многие стояли в монастырской ограде. В проповеди владыка говорил о празднике, о современной церковной жизни, об обновленчестве, о самозванцах-епископах. Впечатление от проповеди было такое, что люди стали выкрикивать, что признают только Патриарха Тихона, многие плакали. Служба, начавшаяся утром, закончилась только в шесть часов вечера, после того как Патриарх благословил весь народ.

Реакция обновленцев была незамедлительной. Через три дня после состоявшегося в Сретенском монастыре богослужения, 9 июля 1923 года, Московский епархиальный совет (обновленческий) в составе епископа Леонида (Скобеева), «епископа» Иоанникия (Чанцева), «епископа» Георгия (Добро-нравова) и некоторых других подает заявление в ГПУ. В нем говорилось: «Московский Епархиальный Совет настоящим сообщает, что выступления епископа Илариона (гражданина Владимира Алексеевича Троицкого) во время его служения по храмам Москвы носят явно контрреволюционный и погромный характер; своими выступлениями означенный епископ возбуждает одну часть верующих на другую, в своих речах он ориентируется на самых крайних реакционеров и возбуждает их к активным действиям. В результате его речей в толпе поднимаются разговоры о необходимости восстановления монархии: “одного хозяина нашли, найдем и другого”. Приводятся в разговорах цитаты из Апокалипсиса: что вслед за возвращением пастыря должен явиться и князь. Открыто ведутся речи о необходимости погрома евреев и прочее, что первый враг русского народа советская власть, а второй — обновленческое церковное движение. Открыто высказываются ожидания скорого падения власти. В результате его речей происходят столкновения между разными группами, и отрицательные отношения и настроения тихоновской

толпы растут с каждым днем, и в ближайшее время можно ожидать уличных столкновений. Считая своим гражданским долгом сообщить о сем Господиуправлению, Епархиальный Совет обращает внимание на общественную опасность от речей епископа Илариона».

В тот же день один из руководителей обновленческого движения, священник Владимир Красницкий, написал в ГПУ: «Усердно прошу обратить внимание на крайне провокаторскую контрреволюционную деятельность тихоновского ассистента Илариона. 6 июля, проповедуя в Сретенском монастыре, он произнес такую погромную речь, что в толпе в ограде и на улице произошли физические столкновения, и дело окончилось арестами.

За пережитые десять дней тихоновцы чрезвычайно обнаглели, держат себя вызывающе и готовы перейти к избиению, и это настроение — определенно погромное и ярко антисоветское — создается им, епископом Иларионом.

Если его явно контрреволюционной деятельности не будет положен предел, то неизбежны общественные беспорядки и избиение церковных обновленцев».

Сразу же после возвращения епископа Илариона из ссылки Патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа. Ближайший помощник Святейшего, преосвященнейший Петр (Полянский), был еще в это время в ссылке, и архиепископ Иларион стал помощником Патриарха.

Летом 1923 года обновленцы стали вести переговоры о примирении с православными и созыве церковного Собора, на котором предполагалось предложить Патриарху Тихону уйти на покой — с тем чтобы захватить управление Церковью. Если бы Патриаршая Церковь не пошла на примирение, то и тогда сам факт ведения переговоров православных с обновленцами, за которыми стояло государство, был на руку последним, поскольку это могло вызвать в среде православных смятение и подорвать авторитет как самого Патриарха Тихона, так и его ближайших помощников.

Православную Церковь представляли на этих переговорах архиепископы Серафим (Александров) и Иларион (Троицкий), а также протоиерей Василий Виноградов. Со стороны обновленцев были архиепископ Евдоким (Мещерский) и некий Новиков. Встреча состоялась 26 августа 1923 года в день тезоименитства Патриарха Тихона, когда в Москву съехались, чтобы поздравить Святейшего, несколько десятков архиереев. Сам он в этот день служил в большом соборе Донского монастыря.

Встреча с обновленцами продолжалась около двух часов. В основном говорил архиепископ Евдоким, который требовал, чтобы Патриарх ради мира и блага Церкви отрекся от власти и чтобы члены патриаршей делегации сделали Патриарху такое предложение. Выслушав его «предложение», члены православной делегации ответили, что им поручено вести переговоры о примирении обновленцев с Патриархом, а не обсуждать вопрос об отречении Патриарха. Единственное, что они могут сделать, это передать с возможной точностью содержание речи архиепископа Евдокима и тем самым проинформировать Патриарха о действительных намерениях и взглядах его и возглавляемого им управления.

По возвращении в Донской монастырь делегация доложила Святейшему о наглых и провокационных предложениях обновленцев. Патриарх Тихон, выслушав, с добродушной улыбкой сказал: «Так я и предполагал обман; от Евдокима другого и ожидать было нельзя». Тогда же Патриарх благословил собрать не успевших разъехаться по епархиям архиереев, чтобы члены делегации поставили их в известность о действиях обновленцев. В тот же день в Михайловской церкви Донского монастыря состоялся собор двадцати семи архиереев, на котором архиепископ Серафим (Александров), исполняя поручение Патриарха, рассказал архипастырям о результатах встречи с главой обновленцев.

И хотя ни о каком примирении с обновленцами на таких условиях не могло быть и речи, однако их цель была отчасти достигнута: была встреча их главы с православными архиереями, и обновленцы вместе с Тучковым, пользуясь средствами государственной печати, могли о ней писать что угодно, в то время как православные не могли отвечать, так как в их распоряжении оставалось только устное и рукописное слово.

В тот же день архиепископ Евдоким написал на имя своего рязанского управления, а также на имя митрополита Антония (Храповицкого) письмо, которое вскоре было опубликовано в газете «Известия» и вызвало немалое смущение среди православных: «В Донском началось полное разложение и смятение. Тихон прислал уже к нам трех депутатов с просьбой о перемирии и примирении. На объединенном заседании даже его сторонники вынесли резолюцию: “сложить все полномочия и отдать себя на суд Собора епископов”. Резолюция уже вручена Тихону... Бывший Патриарх Тихон запутался совершенно и, поняв это, подал заявление в Священный Синод о примирении с отколовшимися от него духовенством и народом. Смешанная комиссия, устами даже его ярых защитников (епископ Иларион Троицкий), вынесла ему следующую резолюцию: сложить все полномочия, удалиться в монастырь, ждать над собою суда Собора епископов. Резолюция вручена».

В конце октября обновленцы снова предложили встретиться, предварительно заверив православных, что никакие неисполнимые условия ставиться не будут. Обновленцев на переговорах представляли «архиепископы» Алексий (Баженов) и Серафим (Руженцев). Православных — архиепископы Серафим (Александров) и Иларион (Троицкий). Встреча состоялась 20 октября 1923 года. Представители обновленцев прежде всего заявили, что сообщения архиепископа Евдокима о ходе переговоров не соответствуют действительности. Более того, они уже вовсе не настаивают на выставленных условиях. Православные иерархи потребовали от обновленцев запрещения в священнослужении женатых архиереев, второбрачных и третьобрачных клириков и признания Святейшего Патриарха законным главой Российской Церкви. Делегация обновленцев заверила, что она согласна с такими условиями. Но уже через неделю архиепископ Евдоким уведомил архиепископов Илариона и Серафима, что дальнейшие переговоры считает возможными только «при условиях, признанных вами ранее приемлемыми, а именно:

- а) удаление бывшего Патриарха Тихона от дел управления,
- б) удаление бывшего Патриарха Тихона на жительство впредь до Собора в Гефсиманский скит,
- в) перенесение окончательного решения дела бывшего Патриарха Тихона на Собор».

Возмущению православных архиереев, получивших провокационную бумагу, не было границ. В тот же день по благословению Святейшего участники переговоров — архиепископы Серафим (Александров), Иларион (Троицкий) и Тихон (Оболенский) — отправили архиепископу Евдокиму ответное письмо, где описывали бывшие в действительности содержание и ход переговоров. В нем они, в частности, писали: «Мы полагаем, что прежде всяких новых переговоров должен быть исправлен тот вред, который нанесен делу церковного мира Вашими известиями, противоположными истине. По нашему убеждению, простой моральный долг обязывает Вас и Ваш Синод опубликовать разъяснение о том, что вышедшие от Вас известия о небывалом заявлении Святейшего Патриарха и никогда не существовавшей резолюции, которая будто бы была ему вручена, не соответствуют подлинной действительности.

Кроме того, мы не можем не обратить внимания на разосланный от имени Вашего Синода циркуляр, ныне напечатанный в № 1 «Вестника Священного Синода», стр. 16. Здесь на Святейшего Патриарха возводится явная неправда, будто бы он объединяет реакционные общественные силы для нового политического мятежа и взрыва и будто бы он управляет черносотенством и белогвардейщиной...
 Вовсе не какие-либо политические вождедения заставляют нас собраться вокруг Святейшего Патриарха, а только желание сохранить верность своему архиерейскому обещанию и соблюсти непоколебимым канонический порядок иерархического преемства. И в наших переговорах с Вами и с другими представителями Вашего Синода нами руководило исключительно одно желание — воссоединить со Святой Церковью отторгнувшихся от ее единства во время печальной смуты церковной. Это желание побуждает нас не уклоняться и от дальнейших переговоров, несмотря на тяжелые огорчения, которые доставили нам выше нами перечисленные факты; но эти переговоры, по нашему убеждению, возможны лишь в том случае, если не только подобные факты не будут повторяться вновь, но и имевшие место будут по возможности исправлены...»

Разумеется, обновленцы не стали публиковать опровержения, а все попытки православных сообщить об истинном положении дел наталкивались на сопротивление ГПУ.

Тучков, однако, продолжал энергичную деятельность по разрушению Церкви. Теперь он задумал учинить в Православной Церкви раскол введением в богослужebную жизнь григорианского календаря. Вот как описывает эти события протоиерей Василий Виноградов. Советская власть требовала, чтобы Православная Церковь перешла на новый стиль, так как рабочие «фабрик и заводов празднуют и не работают в великие церковные праздники по новому стилю (тогда большевики еще сохраняли эти праздники в своем законодательстве), но когда эти праздники наступают и по старому стилю, они массовым образом самовольно уклоняются от работы в эти дни: для государ-

ства получается громадный хозяйственный ущерб». Но и Патриарх возражал: «Введение нового стиля означало бы откол Русской Церкви от всей Восточной Православной Церкви, от единства церковной жизни со всеми восточными патриархами и поместными Церквями».

В 1923 году в Константинополе прошел «Всеpravославный церковный конгресс» под председательством Константинопольского Патриарха Василия. Конгресс, не имея законных полномочий, принял решение ввести новый стиль в богослужебную жизнь Православной Церкви. Представители советской власти получили от Патриарха Василия официальную копию этого постановления и вручили ее Патриарху Тихону, скрыв от него, что оно было принято далеко не всеми восточными патриархами и патриархатами.

«По поручению Патриарха епископ Иларион составил соответствующее патриаршее послание, где введение нового стиля мотивировалось ссылкой на постановление “Всеpravославного конгресса”, возглавленного Константинопольским Патриархом, и необходимостью сохранять единство богослужебной жизни со всей Православной Церковью, уже принявшей новый стиль. Опубликование этого патриаршего послания последовало 1 октября старого стиля в праздник Покрова Божией Матери при патриаршем служении в московском Покровском монастыре. До самого момента “запричастного стиха” никто из сослуживших Патриарху не знал, кому он поручит прочтение своего послания... Но вот Патриарх вдруг подозвал старейшего по положению из сослуживших ему иереев... протоиерея Виноградова и, вручив ему рукописный... текст послания, предложил ему тотчас прочесть послание перед народом. Обладая слабым голосом, отец Виноградов пытался отказаться, ссылаясь на то, что при слабости голоса и плохой акустике громадного храма мало кто услышит его чтение. Но Патриарх с обычной ему улыбкой возразил: “Ну это ничего, ничего, прочитайте Вы, прочитайте”. В результате недостаточно громкого чтения отца Виноградова, только передние ряды богомольцев могли, и только частично, расслышать кое-что из послания; до подавляющей же массы богомольцев долетали только отдельные слова, из которых она могла лишь понять, что речь идет о новом стиле; а что именно об нем здесь возвещалось — осталось для нее неясным...

Чтобы фактически ввести новый стиль в церковную жизнь возможно менее болезненно, необходимо было, чтобы послание было напечатано и разослано епархиальным архиереям при указах Священного Синода, а по всем приходам всех епархий при указах соответствующих епархиальных управлений, и притом с таким расчетом времени, чтобы экземпляры послания и сопроводительные указы дошли всюду своевременно...

После того как патриаршее послание о новом стиле было торжественно оглашено за богослужением в присутствии самого Патриарха пред массой народа и об этом факте оповещено было во всех советских газетах, как центральных, так и на местах, и в московских церквях везде начали служить по новому стилю, Тучков решил, что теперь Патриархом сделан шаг бесповоротный, такой шаг, которым он уже окончательно обязал себя пред русским народом и всем миром фактически ввести новый стиль. Тучков решил поставить дело

так, чтобы народ оказал на почве введения нового стиля возможно большую оппозицию Патриарху. А так как все основания к такой оппозиции очень убедительно устранялись содержанием патриаршего послания, то Тучков решил лишить Патриаршее Управление возможности разослать вместе с указами о введении нового стиля и объясняющее весь вопрос патриаршее послание. По его указанию типография задерживала печатание со дня на день, оправдываясь недостатком времени... Послание не было напечатано и в советских газетах. А вместо того в центральных советских газетах, по инспирации Тучкова, была в это время напечатана заметка... В этой заметке сообщалось, что так называемый “Всеправославный конгресс”, вынесший решение о введении в церковную жизнь нового стиля, был обновленческого характера, а созвавший его Патриарх Константинопольский — обновленцем. Таким образом народу внушалось, что введением нового стиля Патриарх Тихон и сам переходит на сторону обновленцев... Патриаршее Управление послало к Тучкову делегацию с протестом против помещения такой заметки... На вопрос, почему послание до сих пор не печатается, последовал равнодушный ответ: “Да я говорил, но они почему-то меня не послушали; поговорите сами с типографией”. Делегация спросила, почему он сам относится к этому теперь так равнодушно, тогда как все время настойчиво требовал от патриархии немедленного введения нового стиля, обещая даже за это легализацию Патриаршего Управления? Тучков ответил: “Раньше я все же думал, что вы перестанете быть контрреволюционерами, но теперь я не имею на это надежд”. Делегация указала, что, если в течение ближайших дней послание не будет напечатано, будет уже поздно и придется возвратиться к старому стилю. Будучи вполне убежден, что возвращение к старому стилю для Патриарха теперь уже совершенно невозможно, Тучков ответил тем же равнодушно-холодным тоном: “Ну уж вы там как хотите... дело ваше”. Когда оказалось, что и к 5 ноября нового стиля послание еще не напечатано, Патриаршее Управление, опираясь на неосторожно брошенную Тучковым делегации фразу “делайте, как хотите”, сочло себя вправе возвратиться на старый стиль.

С согласия Патриарха, по распоряжению архиепископа Илариона (как управляющего Московской епархией) Московский Епархиальный Совет около означенного числа разослал по московским церквям указы, в которых сообщалось, что вследствие задержки с печатанием патриаршего послания введение нового стиля откладывается на неопределенное время. Получив такие указы, все московские приходы, три недели тому назад, хотя и вполне спокойно и покорно воле Патриарха, но с большим прискорбием перешедшие на новый стиль, теперь тотчас же с большой радостью возвратились на старый...»

После того как 8 ноября 1923 года Патриарх отменил свое распоряжение о введении в церковное употребление нового стиля, агенты ГПУ по приказу Тучкова изъяли из канцелярии Патриарха текст послания, отпечатали его в типографии и расклеили на афишных тумбах, надеясь ввести таким образом в заблуждение церковных людей, приезжавших в Москву из провинции.

«Но и здесь Тучков имел мало успеха: все приезжающие в Москву церковные люди, смущенные тем, что они читали в послании, спешили обратиться

за справками в ближайшую московскую церковь, а там им с торжеством объясняли, что “это было, да прошло”».

Столкнувшись с невозможностью учинить новый раскол в Православной Церкви ни через «примирение» с обновленцами, ни через введение нового стиля и, вероятно, вина в этом ближайших помощников Патриарха, Тучков вызвал Святейшего в ГПУ. Здесь он в резких выражениях предъявил ему ультиматум. Патриарх Тихон должен немедленно принять «митрополита» Евдокима и совместно с ним выработать декларацию о примирении. Отказ от примирения будет рассматриваться советской властью как контрреволюционное действие, вследствие чего Патриарх будет арестован.

Святейший категорически отверг все предложения Тучкова, резко заявив, что никто не навяжет ему таких действий, которые отвергает его совесть.

Все это время архиепископ Иларион принимал активное участие в докладах и религиозных диспутах, которые тогда устраивались в Москве. 17 августа 1923 года архиепископ прочел в аудитории Политехнического музея лекцию на тему: «Тихоновцы и обновленцы, что их разделяет?» Лекция продолжалась с девяти часов вечера до двенадцати часов ночи с перерывом в пятнадцать минут. Архиепископ дал оценку обновленчеству как попытке части духовенства избежать преследования властей с помощью ухода в раскол, рассказал о том, на какие подлоги и подлость шли обновленцы в борьбе с Церковью. Говоря о съезде белых епископов на Троицком подворье, владыка заявил, что епископы Православной Церкви не признают этого съезда, так как туда собралось духовенство обновленческого движения, многие из епископов которого были посвящены с нарушением уставов Православной Церкви.

Вскоре после доклада, 4 сентября, в аудитории Политехнического музея состоялся диспут на тему: «Обновленческий Собор 1923 года». Порядок диспута был такой: сначала архиепископ Иларион прочитал доклад, а затем давалось слово оппонентам — каждому по десять минут. В качестве оппонентов выступали обновленцы, православные, старообрядцы и сектанты-толстовцы. Архиепископ выделил несколько характерных черт обновленческого движения: «Во-первых, подлог своих полномочий, с которого начала инициативная группа белого духовенства “Живая церковь”, — присвоение себе административной церковной власти, в то время как Патриарх согласился лишь на посредничество этих лиц по передаче его, Патриарха, канцелярии намеченному им заместителю, что не помешало этим лицам присвоить себе власть и ввести в заблуждение других; во-вторых, подлог общественного мнения — печатание победных релижий о всеобщем якобы обновленчестве, о переходе к обновленцам ряда епископов; в-третьих, подлог иерархии, выразившийся в поставлении самочинных архиереев, распоряжении и помыкании остальными епископами; в-четвертых, неканоничное и недопустимое с точки зрения Православной Церкви поведение съезда “Живой церкви”, имевшего место в августе 1922 года. На съезде, съезде узкопартийном, не представлявшем большинства Церкви, принят ряд решений крупного характера, проводившихся затем всеми правдами и неправдами в жизнь. В общем отмечается резко про-

фессиональный характер съезда: единая церковная касса, вопрос о вторичных браках духовенства и так далее.

Эти моменты с достаточной яркостью выявили сущность всего обновления. Постепенно от него отходят все лица, примыкавшие к нему вследствие ли своего увлечения этим движением, примкнувшие ли к нему “страха ради иудейска”».

Затем владыка отметил, что инструкция по избранию членов Собора была составлена так, чтобы обеспечить большинство устроителям. По инструкции запрещалось присутствовать на Соборе лицам, привлеченным к церковному суду за противообновленческую деятельность. Было обязательным присутствие на Соборе обновленческих центральных комитетов, уполномоченных ВЦУ и самого ВЦУ, что составляло сто восемьдесят человек из приблизительно четырехсот восьмидесяти присутствовавших. Да и сам Собор проходил далеко не так торжественно, как это описывают «Деяния Собора». С самого начала возникли недоразумения с сибирской иерархией. В Сибири тремя епископами, находившимися под запрещением, были рукоположены два женатых епископа. Они рукоположили в епископы Петра Блинова, который затем единолично рукоположил шестнадцать епископов. Все они затем приехали на Собор, хотя, по мнению самих обновленческих архиереев, не имели право принимать участие в богослужении, предварявшем открытие Собора. Епископ Антонин (Грановский) протестовал против участия в священнослужении самого Блинова. Поскольку в соответствии с канонами Церкви только два епископа могут посвятить кого-либо в епископа, а Блинов действовал один, то епископ Антонин счел, что благодати на этих епископах — половина, и во время службы в Заиконоспасском монастыре произвел «дорукоположение» их. Обновленческий Собор можно сравнить со Вторым Эфесским Собором, который назван разбойничьим. Главным вопросом лжесобора 1923 года был вопрос о лишении сана Патриарха и суда над ним. Но суд над Патриархом не правомочен уже потому, что подсудимому не прислали вызов, его даже не уведомили. Обновленческий Собор принял резолюцию, в которой говорится, что Поместный Собор 1917 года состоял из дворян, лиц, принадлежавших к привилегированному сословию, и отъявленных контрреволюционеров. «Хотя на нем и были дворяне, — сказал архиепископ, — но они отнюдь не составляли большинства. Отрицательное отношение Собора к октябрьской революции возникло потому, что все общество увидело тогда грозное лицо этой революции, испугалось ее и не могло дать себе ясного отчета в происходящем. Да и кто тогда, — спросил владыка, обращаясь к залу, — мог себе представить, что это правительство продержится так долго? Не мог этот Собор заигрывать с властью, в продолжительное существование которой он не верил. Обновленческий Собор сыграл некрасивую роль — он санкционировал преступления против Церкви, совершенные в разное время представителями группы “Живая церковь” и другими обновленцами. Но с Соборами всегда повторяется одно и то же: есть какая-то таинственная сила, заставляющая верующих постановления одних Соборов признавать, других — отвергать. Эта сила — против Собора 1923 года».

Доклад высокопреосвященного Илариона закончился под аплодисменты всего зала, после чего был объявлен перерыв.

После перерыва защитником обновленчества выступил бывший обер-прокурор Синода Львов, чье появление было встречено таким шумом, что он едва смог говорить. Затем выступил епископ Серафим (Мещеряков), он вышел в изодранной красной рясе. Его речь не прерывали. Он сказал, что начиная с IV века административная церковная власть подпала под влияние государства и часто во епископы поставлялись недостойные люди. Так было и у нас в России со времен Петра I. И епископы, которые назначались Синодом, обер-прокурором, лицами светскими, были даже менее достойными людьми, чем епископы живоцерковнические.

Выступивший православный священник из Московской епархии рассказал о методах привлечения к Живой церкви сельского духовенства, о том, как обновленцы на Троицком подворье предлагали ему подписать протест против приговора священников к расстрелу, а на лицевой стороне этой бумаги была отпечатана формула признания ВЦУ и фамилия, имя и отчество священника.

Выступивший старообрядец говорил о несерьезности спора между тихоновцами и обновленцами и предлагал им примириться. Толстовец пожаловался, что сначала обновленцы звали всех сектантов на Собор, обещая им всякие льготы, желая с их помощью обеспечить себе большинство на Соборе, а когда дошло до дела, то на Собор не пустили.

13 октября в здании Политехнического музея состоялся диспут на тему: «Кто враги Церкви?» Диспут продолжался с восьми часов вечера до двенадцати часов ночи. В нем участвовали архиепископ Иларион и обновленческий священник Александр Введенский. Первым выступил Введенский. Он сказал, что обновленческое движение началось еще при монархическом строе и что священники при монархии были чиновниками охраны, а Собор 1917 года — собрание контрреволюционеров.

Его выступление прерывалось шумом и выкриками, и когда он стал говорить о Патриархе Тихоне, что последний был связан с зарубежной контрреволюцией и был противником помощи голодающим, в зале разразилась буря протестов, шум продолжался четверть часа. Причем всякий раз, когда Введенский говорил «Тихон», зал дружно кричал — «Патриарх».

Вслед за Введенским выступил архиепископ Иларион. Его появление было встречено аплодисментами. Когда он начал говорить, наступила полная тишина. Владыка сказал, что, конечно, были и при старом государственном строе недостойные священнослужители, но не все были такие, большинство служило исключительно Церкви. Обновленцы говорят, что они против всякой политики, что они есть свободная церковь, а между тем, когда он служил в пятнадцати верстах от Москвы, обновленческий священник грозил, что если в храме будет служить архиепископ Иларион, то приходской совет и сам архиепископ будут арестованы. Вряд ли власть им дала таковые полномочия, но, скорее всего, они сами присваивают себе политическую власть. Говоря о Патриархе, архиепископ сказал, что Патриарх Тихон — не контрреволюционер и никогда не был противником изъятия церковных ценностей, но он считал,

что нельзя отдавать освященные предметы. Свое выступление архиепископ Иларион заключил словами, что Патриарх Тихон никогда от своих убеждений не отступит и не пойдет с обновленцами на компромиссы.

В конце диспута Введенский заявил, обращаясь к православным: «Мы с вами ругались и будем ругаться». Во время его речи ему не давали говорить и часть слушателей начала уходить.

На следующий день снова был диспут, названный учредителями «Почему Тихон и Иларион враги Церкви», в котором участвовали архиепископ Иларион и Александр Введенский.

Зачастую диспуты в Москве проводились между наркомом просвещения Луначарским и главой обновленцев Введенским, которые все вопросы и ответы обговаривали заранее. Но картина совершенно менялась, когда в диспутах дозволялось участвовать архиепископу Илариону. Владыка держался просто, серьезно, с достоинством, в его речи чувствовалась непоколебимая вера в правоту всего того, что он говорил; он, казалось, лишь делился своими знаниями и опытом; слушая архиепископа, присутствовавшие забывали и о наркOME просвещения Луначарском, и о предателе Церкви Введенском. Однажды, желая искутить архиепископа, Луначарский спросил его:

— Как же так, вы, служители культа, совершенно погрязли в противоречиях. С одной стороны, для вас Священное Писание — это нечто непререкаемое, а с другой, там ведь неоднократно говорится, что несть власти не от Бога. А советскую власть вы не любите. А советскую власть вы ругаете, недовольны ею. Как вы, гражданин Троицкий, ответите на этот вопрос?

— А мы разве говорим, что советская власть не от Бога? — сказал архиепископ. — Да, конечно, от Бога! В наказание нам за грехи...

15 ноября 1923 архиепископ Иларион был арестован.

20 ноября Святейший Патриарх Тихон направил письмо в 5-й отдел Народного комиссариата юстиции, в котором выражалась просьба о расследовании причин ареста архиепископа Илариона и об ускорении его освобождения, так как Патриарху «по его возрасту и состоянию здоровья... его помощь, как епископа энергичного и высокообразованного, крайне необходима и незаменима». Далее Патриарх выражал опасения, что этот акт, если он не вызывается серьезной государственной необходимостью, «может создавать безо всякой нужды нежелательное тревожное настроение среди верующего населения». Тучков на это письмо ответил отказом: «Троицкий арестован за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в антисоветской агитации на устраиваемых им диспутах, лекциях и распространении контрреволюционных слухов, так что просьбу бывшего Патриарха Тихона удовлетворить не нахожу возможным».

7 декабря комиссия НКВД по административным высылкам приговорила владыку к трем годам заключения на Соловках.

В январе 1924 года архиепископ прибыл на пересыльный пункт на Поповом острове. Здесь его застало известие о смерти Ленина. В то время, когда в Москве помещали во временный мавзолей гроб с телом Ленина, заключенные по распоряжению лагерного начальства должны были молча стоять

пять минут. Владыка Иларион лежал на нарах, когда посреди барака стоял строй заключенных, среди которых были и священнослужители. «Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят», — убеждали его заключенные. Все кончилось, однако, благополучно, а владыка, обращаясь к духовенству, сказал: «Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество!»

Прибыв на Попов остров, владыка узнал, что обновленцы распространяют о нем через советскую прессу «сведения» о его якобы примирительном отношении к ним. Во избежание умножения соблазна архиепископ 17 июня 1924 года обратился к православным людям с соответствующим письмом: «Пастырям и чадам Православной Церкви! С крайним негодованием узнал я из газет о том, как бессовестно оклеветал меня вождь обновленческой церкви, бывший архиепископ Евдоким, который на своем нечестивом сборище заявил, будто я подал кому-то прошение, где раскаиваюсь в каких-то неведомых заблуждениях и признаю их самозванный синод.

Призывая Бога во свидетели, своею архиерейской совестью удостоверяю, что заявление бывшего архиепископа Евдокима есть бессовестная заведомая ложь — никакого прошения никому я не подавал и самозванного синода их никогда не признавал и не признаю, ибо, сохраняя верность своему архиерейскому обещанию, пребываю в полном послушании единого законного первосвященника Российской Православной Церкви Святейшего Патриарха Тихона.

Соловецкий концлагерь. Архиепископ Иларион (крайний слева)

Наглая ложь, бесстыдная ложь предводителя самозванного раскола показывает, что отпавшие от истинной Церкви теряют благодать Духа Святого и находятся в полной власти дьявола, который во истине не устоял, но говорит ложь (Ин. 8, 44).

Клевета на меня, конечно, имела целью посеять соблазн и смущение среди православных людей. Будьте осторожны, зная, что отступившие от Церкви раскольники способны на всякую, даже заведомую ложь, за которую да будет им Бог судьей».

В конце июня 1924 года после открытия навигации архиепископ Иларион был отправлен на Соловецкий остров; здесь он вязал сети на Филимоновой рыболовной тоне, был лесником, сторожем в Филипповой пустыни. Для него начался новый тернистый путь испытаний — не вольная теперь была ссылка, а узы, концлагерь. Но владыка и к этому испытанию был вполне подготовлен. То, что для другого могло явиться камнем преткновения и тяжелым переживанием, для него, православного богослова, стало украшением души.

Он писал верующим женщинам, помогавшим ему во время его ссылки в Архангельске.

30 октября 1924 года: «Я был очень рад, когда получил от Вас столь обширное и интересное письмо. Приношу Вам за него и вообще за память Вашу обо мне глубокую Вам благодарность. Господь да сохранит Вас от всякого зла. Да сохранит и церковь архангельскую от таких искушений, какие она не в силах будет перенести. Я теперь давно уже не у дел; отдыхаю и живу мирно на Соловках. Жизнь моя здесь совершенно благополучная. Никакого горя, нужды или утеснения я не испытываю. Архангельский год мне памятен, и я часто его вспоминаю. Вспоминаю с благодарным чувством и всех добрых архангельцев... Сердечно благодарю всех и за гостинцы. Все я получил, и все так мне напоминает любезный Архангельск... Обо мне знайте только то, что я живу очень хорошо, крепок здоровьем, бодр духом...»

12 ноября: «Многоуважаемая Екатерина Ивановна! Спасибо Вам за Ваши письма с подробными известиями. Да поможет Господь архангелогородцам победить нечистую силу самозванщины. Передайте мой привет всем помнящим и поминающим меня. Я доселе живу совершенно благополучно, гораздо лучше, нежели живут многие и многие на так называемой “свободе”. Мне здесь очень нравится, и я не чувствую почти никакой тяготы. Мне живется легко физически и нравственно...»

9 декабря: «Достоуважаемая Екатерина Ивановна! Извещаю Вас, что все ваши посылочки я получил. Что предназначалось другим, — отдал им. За все приношу благодарность Вам и всем, кто помнит меня и кто желает прийти на помощь мне. Живу я доселе в полном благополучии и благодушии. Соловки мне очень понравились, и я не вижу особой тяготы здесь жить. Никак я не думал, что так хорошо буду себя чувствовать в соловецкой ссылке. Моя московская жизнь была несравненно тяжелее, там я был занят все время и страшно трепал свое здоровье и свои нервы. Здесь я на покое. Такова, видно, Божья воля, чтобы мне работать пока здесь, а не служить святой Церкви...»

В лагере владыка сохранил монашескую нестяжательность, детскую незлобивость и простоту. Он просто отдавал всем все, что у него просили. Ни на какие оскорбления окружающих никогда не отвечал, казалось, не замечая их. Он всегда был мирен и весел, и если даже что и тяготило его, он не показывал этого. Из всего происходящего с ним он всегда стремился извлечь духовную пользу, и таким образом, ему все служило ко благу.

На Филимоновой рыболовной тоне в десяти километрах от главного Соловецкого лагеря он находился вместе с двумя епископами и несколькими священниками. Об этой своей работе он говорил добродушно: «Все подает Дух Святый: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбаки показа».

Советская власть в это время всем давала равные сроки: и выдающемуся архиерею, славно потрудившемуся рядом с Патриархом Тихоном в борьбе со злыми врагами Церкви — обновленцами, и молодому иеромонаху из Казани, чье «преступление» состояло в том, что он снял орарь с дьякона-обновленца и не позволил ему вместе с собою служить.

«Любочестив бо сый Владыка, — говорил по этому поводу архиепископ Иларион, — приемлет последнего, якоже и первого; упокоевает в единомнадесятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа. И дела приемлет, и намерения целует, и деяния почитает, и предложения хвалит».

Архиепископ Иларион, будучи подлинным христианским богословом, старавшимся видеть Бога везде, на всяком месте, во всякое время, и самый Соловецкий лагерь воспринимал как суровую школу добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения и трудолюбия. Его было нельзя опечалить ничем — и это его настроение поднимало дух окружающих.

Ко всем он относился с подлинной любовью и пониманием. В каждом человеке он ощущал образ и подобие Божие, жизнью каждого человека интересовался искренне. Он часами мог говорить и с офицером, и со студентом, и с профессором, и с представителем уголовного мира, каким-нибудь известным вором, которого он с любопытством расспрашивал о его «деле» и жизни. Владыка всем был доступен. Его простота скрашивала и смягчала недостатки его собеседников. Воистину он был кроток и смирен сердцем, находя в этом покой не только для своей души, но вселяя мир и покой в смятенные души окружающих его людей.

Знавшие его в Соловках писали о нем: «Он доступен был всем... с ним легко всем. Самая простая внешность — вот что такое был владыка. Но за этой заурядной формой веселости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство. Его обыкновенный вид скрывал от людей внутреннее делание и спасал его самого от лицемерия и тщеславия. Он был решительным врагом всякого лицемерия и показного благочестия. Каждого прибывавшего в Соловецкий лагерь священника владыка подробно расспрашивал обо всех предшествовавших заключению обстоятельствах.

— За что же вас арестовали? — спросил владыка прибывшего в лагерь игумена одного из монастырей.

— Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли, — ответил тот, — ну, собирался народ, и даже бывали исцеления...

— Ах вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков?

— Три года.

— Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть недосмотрела...»

Далеко был ныне владыка от церковных событий. В лагере он узнал о смерти великого святителя Русской Церкви Патриарха Тихона, здесь же узнал, что во главе Русской Церкви стал высокопреосвященнейший Петр, митрополит Крутицкий, к которому архиепископ Иларион относился с огромным уважением и почтением, и был рад такому избранию Божию.

В это время советское правительство и ОГПУ планировали в Церкви новый раскол. На этот раз его должен был возглавить архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), с которым Тучков уже провел переговоры, и тот выразил согласие возглавить соответствующую группу иерархов. В эту группу желательно было ввести архиерея, обладавшего бесспорным авторитетом, за которым пошли бы другие иерархи. И, конечно, лучше было бы, если бы этот архиерей в данный момент находился в заключении, то есть длительное время был лишен всей полноты сведений о происходящих церковных событиях, тогда его можно было бы ограниченно ставить о них в известность, пользуясь подлинными церковными документами.

Желая вовлечь архиепископа Илариона в раскол, Тучков распорядился перевести его из Соловков в Ярославское ОГПУ, предоставить ему отдельную камеру, возможность заниматься научной работой, вести деловую переписку и получать любые книги с воли, а тем временем попытаться уговорить его на сотрудничество с ОГПУ.

5 июля 1925 года архиепископ Иларион был перевезен из Соловецкого лагеря в Ярославский политический изолятор. Из тюрьмы он писал своей родственнице: «Ты спрашиваешь, когда же кончатся мои мучения? Я отвечаю так: мучений я не признаю и не мучаюсь. При моем «стаже» меня ведь тюрьмой не удивишь и не испугаешь. Я уже привык не сидеть в тюрьме, а жить в тюрьме, как ты живешь в своей квартире. Конечно, нелепого в моей жизни и было и есть немало, но нелепое для меня более смешно, чем мучительно. Зато есть у меня преимущества в моей жизни, из-за которых я согласен терпеть и разные нелепости... В самом деле. Имею здесь отдельную келию с достаточным освещением, с почти достаточным отоплением — и все это бесплатно. Нужно тратить только несколько рублей в месяц, чтобы пансион был достаточным, — конечно, для такого безразличного к этим делам человека, как я. Но главное... самое милое то, что я могу без помехи отдаться своей первой и постоянной любви — науке, с которой жизнь было меня совсем разлучила... Здесь... меня ничто и никто не отвлекает. Кроме двух часовых прогулок в день да нескольких минут на обед или чай — остальное время я провожу за книгами. Я себе задал громадную тему, которую разве только в десяток лет можно разработать. Самый большой вопрос, конечно, книжный. Но на первое время я использую книги, которые можно достать. Доселе недостатка не имею и в

книгах. Почти каждый месяц получаю от друзей из Москвы по ящику книг и каждый месяц их возвращаю, сделав нужные выписки. Это только при моем теперешнем положении можно братья за чтение собраний сочинений в тысячи и даже десятки тысяч страниц. Не один десяток тысяч страниц я уже и проштудировал. Иные книги десяток лет лежали у меня, и всё некогда было прочитать. Еще бы, если книга тысяча — тысяча двести страниц немецкого текста! А тут и до этих книг очередь дошла.

Словом, у меня настроение и духовное содержание жизни такое же, как было пятнадцать лет назад. Не хватает одного — академической библиотеки! Будь академическая библиотека, я бы попросил здесь приюта не до конца этого года, а по крайней мере до конца этого десятилетия. Что же поделаешь, если место для науки, интересной и важной для меня, только в тюрьме? Я тут не виноват ни в чем.

Ведь вот как устраивает Господь (через ОГПУ) жизнь мою: живу без нужды и без забот вот уже четыре года. Только и думаешь, какие и как книги достать. И это по моим указаниям добрые люди успешно исполняют. Вот и сегодня повестку получил: целый пуд книг пришел, а вон у стены стоит ящик с прочитанными, приготовленными к отправке. Вот и все мои заботы! А беззаботность — это для меня самое милое дело!

Всех поцелуй и всем Расскажи, как я нашел свою судьбу в тюрьме».

Тучков дважды встречался с архиепископом Иларионом. Первый раз Тучков пришел к нему в камеру, где беседовал о церковных делах и о церковной жизни. Но поскольку владыка не был осведомлен о церковных событиях последних лет, проведя это время в концлагере, о чем он и упомянул, то беседа вышла малосодержательной. Во второй раз Тучков вызвал архиепископа в тюремную канцелярию и здесь снова завел разговор о церковных событиях последнего времени и между прочим предложил освободить его и возвратит на Московскую кафедру, но с условием, что он поддержит одну из групп духовенства, имелись в виду григорианцы. Архиепископ ответил, что ему сначала нужно переговорить с ними, так как некоторые ему незнакомы, а о других он знает слишком мало. Далее разговор коснулся современного положения Православной Церкви, и в частности организации Высшего Церковного Управления. Владыка сказал, что по настоящим обстоятельствам Высшее Церковное Управление может быть только временным, но организация такого временного управления весьма желательна. Причем оно в своем начале не должно быть самозванным, то есть должно организоваться с согласия патриаршего Местоблюстителя. Это церковное управление должно действовать в согласии с епископатом и объединять епископат. Оно ни в малейшей степени не должно напоминать характер деятельности так называемого обновленческого ВЦУ 1922–1923 годов. Православное церковное управление должно свою задачу считать ограниченной: его задача — созыв Собора, которому будет принадлежать полнота церковной власти. Что касается Собора, то он должен быть собран, а не подобран, как это было сделано ВЦУ в 1923 году. Собор должен организовать постоянное Церковное Управление, и при этом он должен рас-

сеять подозрения, что за религиозной православной внешностью кроются политические вождедения.

Выслушав архиепископа, Тучков предложил письменно изложить его взгляды на церковные нужды настоящего времени, что и было им сделано. Он написал документ в двух экземплярах: один был адресован Тучкову, другой — заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому).

Текст этой «декларации» совершенно не удовлетворил Тучкова. Переговоры не привели ни к чему. Владыка был непримирим к обновленцам, отказался поддержать григорианский раскол, выставил требования, чтобы новое церковное управление непременно имело благословение Местоблюстителя.

У архиепископа Илариона и у Тучкова почти по всем пунктам были разные взгляды. Владыка предлагал представителям государства сотрудничать с Церковью, но на основании независимости Церкви, на основании положительного роста и духовной силы самой православной паствы, члены которой являются также и гражданами государства и, следовательно, составляют и его силу. Тучков хотел добиться сотрудничества иерархов на основе полного подчинения Церкви государству и в конце концов потребовал прямого осведомительства, как если бы владыка был одним из сотрудников ОГПУ. Тучков желал прежде физического уничтожения своего врага уничтожить его нравственно. Архиепископ ответил на эти предложения резким, категорическим отказом. Видя, что склонить на свою сторону этого выдающегося иерарха не удастся, Тучков зло сказал: «Приятно с умным человеком поговорить. А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!»

26 февраля 1926 года архиепископа перевели из отдельной камеры в общую камеру тюрьмы в Коровниках. 15 марта владыка писал родственнице о происшедших в его жизни переменах: «Есть здесь и плюсы и минусы. Плюсы: более свободная жизнь, неограниченная переписка... Минусы: я потерял свое милое одиночество, а вместе с ним и возможность заниматься так, как занимался раньше. Днем-то у нас еще хорошо: в огромной камере всего шесть человек остается и можно немного почитать и пописать, но вечером собирается целых двадцать человек, и тогда открывается такой дивертимент, что просто беда. Камера, куда меня поселили, считается лучшей, в ней больше “интеллигенция”, но увьи! — теперь и интеллигенция мало отличается от дикарей по своим нравам.

Удивительное дело! Никто меня к тюремному заключению не приговаривал, и все-таки я сижу в тюрьме, где сидят все по определенным судебным приговорам. Но... удивляться уже давно перестал. Только почему это все со мной такие фокусы происходят? Ведь никого во всей тюрьме нет без приговора, кроме меня. Все наши прочие спокойно живут в Соловках, а я вот уже на второе место перебираюсь. Что-то еще неожиданного преподнесет мне время? Некоторые основания ждать нового у меня есть, но будет ли это все к добру — не знаю. Вообще у меня образовалась уже привычка к такой ненормальной и нелепой жизни. Как я тебе, помнишь, писал, я не сижу, а живу в тюрьме».

Отношение владыки к обновленцам и всякого рода раскольникам оставалось непримиримым. И один из обновленческих архиереев, Гервасий

Малинин, желая подчеркнуть эту непримиримость ближайшего помощника Патриарха Тихона, писал о нем в обновленческом журнале: «Я встретился на прогулке по двору в Ярославской тюрьме “Коровники” с архиепископом Иларионом Троицким. Он меня узнал и удивился, зачем я попал в тюрьму.

Он мне сказал:

— Зачем вы отошли от Патриарха Тихона и нарушили ту клятву, которую вы давали при хиротонии во епископа, что ничего общего не будете иметь с так называемой Живой церковью?

На это я сказал:

— Клятвы я не нарушал. С Живой церковью я не имел и не имею ничего общего.

— Вы отпали от Церкви, — сказал мне архиепископ Иларион.

— Это неправда, а вот вы, тихоновцы, фактически отпали. Восточные патриархи не с вами, а с нами.

— Какие мы тихоновцы; что вы треплете имя покойного Святейшего Патриарха Тихона? Мы православные. Восточные патриархи с нами, это я знаю документально, обновленцы врут. Введенский ваш изолгался...

Мне не пришлось с архиепископом Иларионом долго беседовать, потому что я тюремной администрацией был отозван и тут же освобожден из тюрьмы. На прощание мне архиепископ Иларион сказал:

— Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю...»

1 апреля архиепископу Илариону стало определенно известно, что в ближайшие дни его отправят с этапом на Соловки. Узнав об этом, он писал родным: «Это переселение для меня, пожалуй, приятно. Ведь сидеть взаперти мне вовсе не следует. А там куда свободнее. Да и знакомые мне все места-то там. Друзей у меня там масса. С ними охота и повидаться. Вот одно только не особенно приятно, это — путешествие. Пожалуй, до самой Пасхи буду я странствовать до берега, то есть до Попова...»

И зачем только меня тащили-то сюда? Пожалуй, и нужно было кое о чем поговорить, и говорили, да видно не очень-то речи мои понравились. Ну, что Бог ни делает, все к лучшему. Надеюсь, что и на этот раз будет именно к лучшему...»

В пересыльный лагерь на Попов остров владыка прибыл незадолго до Пасхи. Здесь нужно было дожидаться начала навигации, когда заключенных переправляли на Соловки. Здесь он встретил и великий праздник Пасхи. Вот как описывает это событие священник Павел Чехранов.

«Кругом лес, колючая проволока, на высоких столбах будки... Людей нагнали в пункт видимо-невидимо. Вследствие весенней распутицы лесные разработки закончились. И более тысячи человек возвращались обратно в лагерь. А весь лагерь рассчитан на восемьсот человек. Клуб закрылся и переделан под жилое помещение с нарами. В прочих бараках проходы застроены нарами, двойные нары переделаны в тройные — в три этажа. Даже в привилегированном канцелярском бараке теперь двойные нары, и вместо шестидесяти человек стало там сто двадцать. Кипятку сплошь и рядом не отпускалось, так как все котлы занимались под обед и ужин.

Приближалась Пасха. И как хотелось, хотя и в такой обстановке, совершить службу. “Как это так, — думал я, — даже и сейчас, когда просунуться поговорить через толпу затруднительно, как не пропеть “Христос воскрес!” в пасхальную ночь?..” И я решил подготовить свою братию. Повел разговоры с благодушнейшим епископом Нектарием (Трезвинским), епископом Митрофаном (Гриневым), епископом Рафаилом (Гумилевским) и епископом Гавриилом (Абалымовым). Последний и не подозревал, какая ему писанка готовится. Из прочей братии были оповещены отец Филумен и постоянный компаньон владыки Илариона (Троицкого) шахматист отец Аркадий Маракулин.

Однако только архиепископ Иларион и епископ Нектарий согласились на пасхальную службу в незаконченной пекарне, где только одни просветы были прорублены, ни дверей, ни окон. Остальные порешили совершить службу в своем бараке, на третьей полке, под самым потолком, по соседству с помещением ротного начальства. Но я решился вне барака пропеть пасхальную службу, дабы хотя бы в эти минуты не слышать сквернословия.

Сговорились. Настала Великая Суббота. Арестантский двор и бараки, как бочки с сельдью, были наполнены прибывшими с лесозаготовок. Но нас постигло новое испытание. Последовало распоряжение коменданта ротным командирам не допускать и намеков на церковную службу и с восьми часов вечера не впускать никого из других рот. С печалью сообщили мне епископы Митрофан и Гавриил это известие. Однако я своему “причту” настаивал: “Всё же попытаемся в пекарне устроить службу”. Епископ Нектарий сразу согласился, а архиепископ Иларион нехотя, но все же попросил разбудить в двенадцать часов.

В начале двенадцатого я отправился в барак, где помещался владыка Нектарий. Двери были настежь открыты, и мне, быстро вошедшему, преградил дорогу дневальный.

— Не велено пускать никого из других рот.

Я остановился в нерешительности. Однако владыка Нектарий был наготове.

— Сейчас, сейчас, — сказал он мне.

Я отправился к владыке Илариону. Войдя стремительно в барак, я направился мимо дневального, который оказался несколько знакомым и расположенным ко мне.

— Пожалуйста, поскорее делайте и уходите. Не приказано...

Я кивнул ему головой, подошел к владыке Илариону, который, растянувшись во весь свой великий рост, спал. Толкнул его в сапог, владыка приподнялся.

— Пора, — сказал я ему шепотом.

Весь барак спал. Я вышел.

На линейке меня ожидал владыка Нектарий. Вскоре к нам присоединился владыка Иларион, и мы гуськом тихо направились к задней стороне барачков. За дорогой стоял остов недоконченной пекарни с отверстиями для окон и дверей. Мы прошмыгнули к нему поодиночке. Оказавшись внутри здания, выбрали стену, более укрывавшую нас от взора проходящих по дорожке, и

плотнее прижались к ней; слева — владыка Нектарий, посредине — владыка Иларион, а я — справа.— Начинайте, — проговорил владыка Нектарий.

— Утреню? — спросил владыка Иларион.

— Нет, всё по порядку, с полунощницы, — ответил владыка Нектарий.

— Благословен Бог наш... — тихо произнес владыка Иларион.

— Волною морскою... — запели мы полунощницу.

И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова. "...Гонителя, мучителя под землею скрываща..." И вся трагедия преследующего фараона в этой особенной обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. А сердце дышало радостью, что пасхальная служба совершается, вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощницу. Архиепископ Иларион благословил заутреню.

— Да воскреснет Бог и расточатся врази его... — не сказал, а пропел, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион.

Мы запели "Христос воскрес!" Плакать или смеяться от радости, думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню.

— Христос воскрес! — сказал владыка Иларион, и мы все трое облобызались. Владыка Иларион сделал отпуст и ушел в барак. Епископ Нектарий пожелал и часы с обедницей совершить. И мы совершили вдвоем. Только я был за предстоятеля, владыка Нектарий за псаломщика, так он сам пожелал, ибо знал все песнопения, равно и чтения, наизусть.

Эта пасхальная служба осталась в памяти у владыки Илариона... В 1927 году в мае он писал мне: "Вспоминаю прошлогоднюю Пасху. Как она отличается от сегодняшней! Как торжественно мы справили ее тогда!"

Да, обстановка Пасхи 1926 года была необычайна. Когда мы втроем ее справляли в недостроенной пекарне, в это время там, в Ростове, в залитом электрическим светом кафедральном соборе (захваченном обновленцами. — И. Д.) при участии чудного хора городское духовенство совершало тоже пасхальное торжественное богослужение. Но!.. Думается нам, наша кемская Пасха в пекарне без окон и дверей, при звездном освещении, без митр и парчовых риз дороже была для Господа, чем великолепно обставленная ростовская».

С началом навигации архиепископ Иларион был отправлен на Соловки. В это время там по благословию архиепископа Евгения (Зернова) была написана церковная декларация, которая, по мнению ее составителей, должна была определить положение Православной Церкви в новых исторических условиях, а также взаимоотношения Церкви и государства. Когда владыка прибыл на остров, текст декларации был уже одобрен большинством архиереев. Единомыслен был с ними и архиепископ Иларион, лишь выразил сомнение, не будет ли некорректным поучать заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия, но по размышлении согласился, что это послание будет иметь для митрополита значение совета, который он волен принять или нет.

О встрече с владыкой в это время Олег Волков в своих воспоминаниях писал: «Иногда Георгий уводил меня к архиепископу Илариону, поселенному в Филипповской пустыни, верстах в трех от монастыря. Числился он там сторожем. Георгий уверял, что даже лагерное начальство поневоле относилось с уважением к этому выдающемуся человеку и разрешало ему жить уединенно и в покое.

Преосвященный встречал нас радушно. В простоте его обращения было приятие людей и понимание жизни. Даже любовь к ней. Любовь аскета, почитавшего радости ее ниспосланными свыше.

Мы подошли к его руке, он благословил нас и тут же, как бы стирая всякую грань между архиепископом и мирянами, прихватил за плечи и повлек к столу. И был так непринужден... что забывалось о его учености и исключительности, выдвинувших его на одно из первых мест среди тогдашних православных иерархов.

Мне были знакомы места под Серпуховом, откуда был родом владыка Иларион. Он загорался, вспоминая юность. Потом неизбежно переходил... к суждениям о церковных делах России.

— Надо верить, что Церковь устоит, — говорил он. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохранятся хоть крошечные, еле светящиеся огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает — потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо — кругом лес, тишина, мрак. Словно конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но “чем ночь темней, тем ярче звезды...” * Хорошие это строки. А как там дальше — вы должны помнить. Мне, монаху, впору Писание знать».

В ноябре заканчивался трехлетний срок заключения архиепископа, и перед концом навигации он был перевезен с острова на материк. 19 ноября 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ снова приговорило владыку к трем годам заключения на Соловках. Его обвинили в том, что он разгласил содержание разговоров с Тучковым. Прибыв на Соловки, владыка шутил: «На повторительный курс остался».

Своим архангелогородским помощницам владыка писал в это время: «8 августа. Глубокоуважаемая Ольга Павловна! Шлю Вам и Екатерине Ивановне свой сердечный привет. Благодарю Вас и прочих добрых людей за добрую память обо мне. По милости Божией вот уже пятое лето живу на берегах Белого моря и совсем сроднился с севером, Вам родным. Рад всегда слышать что-либо об Архангельске и тамошней жизни, наипаче о дорогой жизни церковной. Надеюсь, что сохранит всех Вас Господь от чрезмерных искушений. Я жив и здоров. Живу благополучно, даже лучше, чем рассчитывал раньше, когда впервые ехал сюда... Уже четвертый год истек, как я расстался с Архангельском, а кажется, будто совсем еще недавно я из него уезжал...»

Осенью 1927 года началось новое смятение в церковной жизни, отчасти связанное с публикацией декларации митрополита Сергия. Архиепископ

* Чем ночь темней — тем ярче звезды, / Чем глубже скорбь — тем ближе Бог (А. Майков).

Иларион, отличавшийся большой выдержкой и мудростью, обладая широким историческим кругозором, собрал в «келью архимандрита Феофана полтора десятка епископов, некоторые из которых стали соблазняться происходящим на воле смятением, и убедил святителей ни при каких условиях не идти на раскол. «Никакого раскола! — сказал он. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!»»

Летом 1928 года архиепископ писал по этому поводу: «Что реку о сём? А то, что всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13–15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть “casus belli”*. Точно так же и всё касающееся внешнего права Церкви (то есть касающееся отношения к государственной политике и подобное) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1721 по 1917 год. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и однако ведь не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Утверждаются часто на бабьих баснях... Что поделаешь. Ухищрения беса весьма разнообразны. А главное, есть tertius gaudes**, и ему-то все будто подрядились доставлять всякое утешение. Да, не имеем мы культуры и дисциплины. Это большая беда...»

«Открытку Вашу получил. Рад, что письмо мое Вы получили, которого долго ждали, но только не по моей вине долго дожидаться не могли. Больше тут Ваши приятели виноваты, которые совсем нехорошо поступают, что хоть не пиши совсем. Ну, еще какие письма получил, то скажу так. Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали! Он (митрополит Сергий. — И. Д.), мол, отступник. И как пишут. Будто без ума они. Сами в яму попадают и за собой других тащат. А Осиповы*** письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит, и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит. С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит, ругается по пустякам и зря, вред и себе и другим делает...»

Пошел новый трехлетний срок, снова пришлось переживать зиму на Соловках. Хотя и вместе с архиереями-друзьями, такими, как архиепископ

* Повод к войне (лат.).

** Третий радующийся (лат.), то есть человек, выигрывающий от распри двух сторон.

*** Митрополит Иосиф (Петровых).

Херсонский Прокопий (Титов), а всё же в неволе. Неволя делала зыбким и непрочным всякое начинание. Ты начал исследование, употребил немало времени и сил для успешного его продвижения, а завтра тебя переводят в другое место, хотя бы и в пределах того же Соловецкого острова, но надзиратели устраивают обыск, и от трудов твоих не остается следа. Работать и что-либо записывать в таких условиях было почти то же, что стараться написать книгу, находясь на корабле во время неумеряющегося шторма. Только то, может быть, и было утешительно, что сходить в праздник Крещения на реку и видеть, как у иордани три оленя остановились и смотрят на это чудо освящения вод.

Родственнице архиепископ в это время писал: «Меня хоть никто дедушкой не называет. Однако иной раз случалось, что стариком назовут, и то странно слышать. Меня больно уж борода выдает — поседела, как неведомо что. Однако душа, чувствуется, еще не постарела. Интересы в ней всякие живут и рождаются. Интересы эти приходится удовлетворять чтением, потому что для настоящих занятий нет, понятно, соответствующих условий. Часто является досадливая мысль: вот если бы иметь столько свободы от работ и столько досуга в академической обстановке! Но подосадуешь, подосадуешь, да тем и ограничишься. А раскроешь книгу посерьезней — оказывается, далеко не всегда ее можно читать — внимание рассеивается тем, что окружает и что вовсе не интересно.

С внешней стороны жизнь моя сравнительно сносная — голоден не бываю, в квартире не мерзну, одеться имею во что (хотя нередко так одет, что и ты бы не узнала), поговорить есть с кем, забот на душе почти никаких. Видишь, сколько преимуществ имею! Но, конечно, долгонько зажился я на Белом море...

Выкинут я стихией на далекий остров. Но сожаления я стараюсь не расправлять в душе моей, на окружающее стараюсь не обращать внимания, а жизнь наполнять тем, чем можно. И так за долгие годы привык и живу не тужу. На лучшее не надеюсь, от худшего не отрекаюсь. Какова есть о мне воля Божия — так пусть и будет».

Подходил к концу очередной срок заключения. В конце лета и осенью 1929 года владыка писал родственнице: «Живу я все по-прежнему, вполне благополучно, без нужды и горя. Никуда я не трогаюсь с места. Вот уже два года, как живу в одном и том же доме, среди леса, между морским заливом и озером... Про свое ближайшее будущее ничего, конечно, не знаю. Хоть ничего хорошего не жду. Вот сейчас я не чувствую себя переутомленным, потому что здесь мне

*Архиепископ Иларион.
Соловецкий концлагерь.
1929 год*

легче жить, нежели было всегда раньше, только не вырос я духовно ничуть, а только поглупел. Но в этом вина не моя одна, хотя есть и моя. Вероятно, можно было бы прожить эти годы с большей пользой...»

«Получил от тебя известие о Липицах... А вот мне придется ли когда-нибудь увидеть родные места, где так много перемен, где одни выросли, другие совсем исчезли. Не знаю, но мне порой очень хотелось бы в тех местах побывать. Правда, до так называемого срока остается всего месяц один: да ведь это ровно ничего не значит. Одно разве только значит: бери вещи через плечо да и начинай странствовать, причем самым неудобным и гнусным способом...»

Живу-то я без нужды, но жизнь невеселая и малосодержательная. Так только время пропадает неважно, и иной раз приходят такие мысли. Вот, например, за шесть лет с 1906 до 1912 года прошел курс академический. Сколько наук прошел, сколько сочинений написал! Магистерскую даже защитил. Из мальчика, приехавшего из Тулы, стал совсем человеком. А за последние шесть лет — что? Одно горе, одна грусть! Пропали лучшие годы, а их не так уж много впереди осталось. Больше осталось позади. Вот эта потеря невознаградима. И сколько их пропадет еще!

Вот такие мысли приходят порой, и, понятно, невесело от них становится. Но успокаиваешься на том, что ты сам во всем несколько не повинен. Видно, в такую полосу историческую попал, что должна жизнь пропадать без дела и без пользы. И еще есть утешение в том, что не один ты в таком положении, а иные и в худшем. Ведь у меня нет еще борьбы за кусок хлеба, а сколько людей в этой борьбе опускают жизнь свою...»

Незадолго до окончания срока и выезда с Соловков архиепископ писал родным: «Дожил я уже до осени и этого года. Только осень у нас прямо удивительная — доселе нет ни холода, ни снега: иной раз дождичек сыплет и сыплет, а иной раз и сухо станет. А в прошлые годы в это время всегда ходил по льду озера. 15 ноября исполняется пять лет, как я странствую — если, конечно, считать, что лето 23-го года я жил сколько-нибудь оседло (а это весьма сомнительно). Сейчас я переживаю не вполне приятное состояние полной неизвестности: уеду ли я отсюда или опять останусь. Если уеду, то скоро, но сменяю ли я в этом последнем случае ястреба на кукушку — тоже неизвестно. Словом, внутри у меня неизвестность и неопределенность. Чего пожелать самому себе — тоже не знаю. Ведь в иных отношениях у нас здесь лучше вашего, да и прижился за долгие годы. Только душа просит нового...»

14 октября 1929 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа к трем годам ссылки в Казахстан. Самое мучительное было в том, что теперь от Белого моря через всю страну до самых южных границ он должен был проехать этапным порядком, многократно останавливаясь на неопределенный срок в пересыльных тюрьмах. По сравнению с тем, что ему предстояло теперь, Соловки были отдыхом. Почти сразу же после отправки на материк его обокрали, и в петроградскую тюрьму он прибыл в кишасшем паразитами рубище. Впереди его ждал новый срок. Но у Господа был свой срок жизни праведника. На этапе владыка заболел тифом и 19 декабря был поме-

щен в тюремную больницу, путь к которой он, изнемогая от болезни, прошел пешком. Из больницы он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, по дороге; в субботу, 28 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли переживу...»

В больнице ему сказали, что его надо обречь; владыка ответил: «Делайте со мной теперь, что хотите...» В бреду он говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет...»

За несколько минут до кончины к нему подошел врач и сказал, что кризис миновал и теперь он может поправиться. Святитель в ответ едва слышно сказал: «Как хорошо! Теперь мы далеко от...» — и с этими словами тихо скончался.

Это было 28 декабря 1929 года. Митрополит Серафим (Чичагов), занимавший тогда Санкт-Петербургскую кафедру, добился, чтобы тело святителя было отдано из тюремной больницы для церковного погребения. Тело почившего владыки в белом архиерейском облачении было положено в приготовленный гроб и перевезено в храм Новодевичьего монастыря, где состоялось отпевание. В отпевании и погребении святителя участвовали митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Алексий (Симанский), епископ Амвросий (Либин), епископ Сергей (Зенкевич) и множество духовенства.

Отпевание закончилось в четыре часа дня. После этого подняли гроб и понесли на кладбище Новодевичьего монастыря под пение ирмоса «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение...» Дойдя до могилы, поставили гроб, отслужили последнюю литию, поклонились почившему архипастырю и стали опускать гроб в могилу. Епископ Амвросий первый бросил на гроб ком земли. Быстро вырос небольшой холмик, и был поставлен белый крест с надписью: «Архиепископ Иларион Троицкий». Затем все стали расходиться с кладбища; и в это время торжественно и празднично затрезвонили колокола, обгоняя друг друга. И вспомнились одному из участников погребения слова псалма, звучавшие на отпевании: «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней. Той на морях основал ю естъ, и на реках уготовал ю естъ. Кто въздет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем... Сей примет благословение от Господа, и милостию от Бога, Спаса своего...» (Пс. 23, 1–5). И понял он, о чем этот звон, как будто пасхальный, — «это ангелы на небе радовались новому святому...»

Источники:

Письма архиепископа Илариона к священнику Леониду Михайловичу Архангельскому и его жене Лидии Павловне, двоюродной сестре архиепископа.

Московские церковные ведомости. 1913. № 17. С. 328–330; 1914. № 32. С. 584–586.

Богословский вестник. С. Посад, 1916. № 2. С. 69–72; 1917. № 6–7. С. 142–147; № 8–9. С. 275–279.

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 1. Джорданвилл, 1949. С. 125–126, 128–134.

Проф. прот. В. Виноградов. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона. 1923–1925. Мюнхен, 1959. С. 22–32.

Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989. С. 75–76.

Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 494–495.

Волков С. Последние у Троицы. Воспоминания о МДА (1917–1920). М.–СПб., 1995. С. 113.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 378–455.

ГАРФ. Ф. 5263, д. 55, л. 67–69.

ЦА ФСБ России. Д. Р-43193, д. Р-43791.

УФСБ России по Архангельской обл. Д. П-321.

